№ 43 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 1953 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

29-й год издания

ИТОГИ ДИКТАТУРЫ СТАЛИНА И ПОЛИТИКА ЕГО НАСЛЕДНИКОВ

Со смертью Сталина в России закончился период грозной диктатуры, продолжавшийся 29 лет. Сталинский период русской истории насыщен кровью и страданиями трудового народа, истреблением миллионов людей голодом и террором.

Сталин перенял, вернее, узурпировал, диктаторскую власть вскоре после смерти Ленина, последовавшей в январе 1924 г. Диктаторство Ленина — духовного отца Сталина — продолжалось 6 лет (1918-23). Короткий период его диктатуры выразился в укреплении захваченной политической власти и огосударствлении всей хозяйственной жизни страны. Огосударствлялось все: промышленность, транспорт, торговля, образование, профессиональные и кооперативные организации рабочих, крестьян, учителей и т. д., и в результате рабочий класс, крестьянство и интеллигенция оказались вновь порабощенными экономически, политически и духовно одним всемогущим хозяином — государством, объявившим смертельную войну всем инакомыслящим рабочим, социалистам, анархистам и другим оппозиционерам. Возникшее в стране недовольство скоро привело к бурной гражданской войне, и Ленин был вынужден ввести НЭП (новая экономическая политика). НЭП предоставил крестьянам некоторые права, разрешил частную торговлю и отменил закон о милитаризации труда. Благодаря этому страна немного ожила.

Но это новое положение продолжалось недолго. Добившись власти, новый диктатор Сталин прежде всего расправился со своими политическими соперниками: Троцким, Рыковым, Томским и другими, мешавшими ему в проведении задуманных планов, а затем отменил НЭП, ликвидировал "крестьян, как класс," и насильственным путем ввел так называемые колхозы, в которых крестьяне, эксплоатируемые государством, принуждающим их отдавать в виде налогов львиную долю своего труда, находятся на положении бесправных рабов.

Весьма понятно, что насильственная коллективизация деревни и сельского хозяйства вообще была немыслима без террористических мер против недовольных крестьян. В некоторых местах крестьяне совершенно отказывались работать в колхозах, а в других — они работали неохотно и часто саботировали. В одном месте, например, за отказ крестьян работать в ново-устроенном колхозе целая деревня, по указу Сталина, была снесена с земли артиллерийским огнем, а в другом — было расстреляно более 50,000 крестьян. В 1932-33 годах Сталин довел миллионы "деклассированных" крестьян до ужасного голода, в результате которого погибло более 3 миллионов людей. Трудно определить общее количество жертв, поглощенных сталинской коллективизацией. По одним источникам их было 5 миллионов, а по другим — семь. Это была величайшая

трагедия! Характерно, что Сталин не раз замечал, что для него гибель миллионов людей не трагедия, а статистика.

Не лучше обстояло дело с разрешением национальной проблемы. Сталин ликвидировал целые республики: немцев Поволжья, татар в Крыму, ингушей и чеченцев на Кавказе, автономную область калмыков и многочисленные группы латышей, евреев и эстонцев. От такой ликвидации погибли десятки и сотни тысяч людей.

За убийство в 1934 г. комиссара Сергея Кирова — любимца и ближайшего соратника Сталина — было арестовано и расстреляно 112 человек!

Главное обвинение, выдвинутое Сталиным в знаменитых московских процессах 1936-1938 годов против сотен старых большевиков, командиров красной армии и рядовых членов компартии, касалось, как известно, того, что они якобы находились в заговоре с Троцким с целью свержения советского правительства. Все подсудимые, под угрозой физических пыток, признались в несовершенном ими преступлении и были расстреляны. Сталин ликовал, он добился победы и еще больше укрепился в своей абсолютной власти.

А сколько миллионов людей погибло в России во Второй мировой войне 1939-45 годов, в возникновении которой Сталин виновен больше других, ибо он сознательно помог Гитлеру захватить власть, сокрушить республику и разжечь войну? В этой войне Германия воевала на нескольких фронтах; ее города разрушались англо-американскими бомбами; человеческие жертвы исчислялись сотнями тысяч. Несмотря на это, Германия потеряла в этой войне гораздо меньше людей, чем Россия. По достоверным исчислениям, советская Россия потеряла во Второй мировой войне более 32 миллионов людей!

По свидетельству людей, бежавших из "коммунистического рая," в созданных Сталиным концентрационных лагерях в настоящее время находится несколько миллионов заживо погребенных пленников, для которых нет выхода из кошмарного ада. Вследствие непосильного труда, страданий и болезней, в них ежегодно умирают десятки и сотни тысяч человек.

Преступления Сталина не исчерпываются только перечисленными "благодеяниями"; к ним можно было бы прибавить еще и другие, менее известные, его злодейства. Но указанных, кажется, достаточно, чтобы иметь верное представление о сталинской диктатуре, приведшей Россию и подвластные ей страны к тоталитарному рабству.

В общем, если подъитожить даже в уменьшенных размерах результаты всех преступлений Сталина за период его 29-летней кровавой диктатуры, то и тогда цифра в 30 миллионов погибших по его вине людей не будет преувеличена. Среди многочисленных тиранов, терзавших народы России, зловещей помяти Джугашвили-Сталин займет по своим "историческим заслугам" подобающее ему место.

***

Советская внутренняя и внешняя политика отличалась агрессивным и реакционным духом. Долголетняя сталинская политика постоянно ставила себе захватнические цели и неуклонно стремилась к подавлению всяких антикоммунистических тенденций. Но после смерти Сталина в политике его наследников произошел некоторый сдвиг в сторону смягчения жестокой политики умершего диктатора.

Прежде всего сталинские наследники сделали сильный нажим на северокорейских коммунистов, воюющих против южной республики, предложив им энергично приняться за выработку условий перемирия и обмена военнопленными. Теперь, согласно подписанному договору, война в Корее, продолжавшаяся более трех лет и поглотившая миллионы человеческих жертв, не говоря уже о колоссальных материальных потерях, временно приостановлена и обе стороны стремятся к заключению мира. Но корейская проблема осложняется многими трудностями и ее полное разрешение зависит главным образом от уступчивости обоих враждебных лагерей. И если выработанные условия перемирия окажутся приемлемыми для заинтересованных сторон, то можно надеяться, что мир будет заключен и кровавой бойне в Корее наступит конец.

Одновременно с планом прекращения корейской войны сталинские наследники предприняли ряд мер для обновления старой политики в советской части Германии. Они заменили военный аппарат власти гражданским, признав ряд ошибок, допущенных усиленной милитаризацией советской зоны. Они обещали возвратить немецким беженцам собственность, захваченную во время оккупации, прекратить религиозные преследования, смягчить наказания за некоторые преступления и объявить свободные выборы. Аналогичные обещания, на ряду с пересмотром экономической политики и введе-

нием новых реформ, были сделаны для Австрии, Венгрии и Чехословакии.

Но чем, собственно, вызваны обещания изменить старую политику? На этот вопрос может быть дан двоякий ответ. Во-первых, нет сомнения, что сталинские наследники, в особенности теперешний триумвират: Маленков, Круглов и Молотов, не прекращают борьбы за власть и каждый из них стремится окружить себя надежными сторонниками, чтобы не быть, в конце концов, ликвидированным, как Берия, этот, по выражению коммунистической печати, "враг советского народа, изменник компартии и слуга буржуазии." Во-вторых, некоторые факты и события последнего времени проливают яркий свет на причины изменения советской политики. В советском секторе Берлина и других городах произошли большие волнения среди немецких рабочих, выступивших против советской власти с требованием улучшить их тяжелое экономическое и политическое положение. В Польше вспыхнули серьезные антикоммунистические беспорядки. Организованные отряды партизан руководят сильным движением и проявляют большую активность в проведении актов саботажа. В Чехословакии на некоторых фабриках возникли бунты рабочих, отказавшихся принять старые рабские условия труда. Недовольство коммунистическим режимом проявилось также в Болгарии и Румынии. Во всех этих местах бунты, демонстрации и забастовки рабочих в последнее время — почти ежедневное явление. Словом, сталинские наследники вынуждены угрожающими их господству событиями выступить с обещаниями и компромиссами.

Можно ли верить обещаниям коммунистов? Ведь нетрудно понять, что если экономическое и политическое положение в советских колониях плохое и оно должно быть улучшено, то в нем тем более нуждается население самой России. Сталинские наследники, поэтому, должны раньше всего раскрепостить в своей стране рабочих и крестьян, возвратить им право на свободную организацию и защиту их интересов, прекратить гонения на оппозиционные течения, освободить из ссылки, тюрем и концлагерей всех пострадавших и восстановить все гражданские свободы: свободу слова, печати, совести, организаций и т. д. Только тогда можно будет поверить новым советским владыкам и их обещаниям улучшить рабское положение подвладных им народов.

Л. Липоткин.

НЕЯСНОСТЬ ПОНЯТИЙ

В наше время трудно дать определение понятий некоторых слов, часто употребляемых в человеческой речи, высказываемой каким-либо деятелем на "ниве народной." Определения следует формулировать кратко и точно, дабы мысль, выраженная словами, была ясна и понятна. Иногда намеренно заменяют значение одного слова другим, как, например, цивилизация и культура.

Что такое культура и цивилизация? Каково их значение? Многие определяют культурность населения какой-либо страны количеством мыла, употребляемого на каждую душу. Однако можно ежедневно мыться в ванне и не читать книг. Следовательно, мыло относится к цивилизации. В технике степень культурности населения определяется количеством труб, употребляемых в стране. В наше время трубы имеют широкое распространение у населения большинства стран. Можно комфортабельно отдыхать в кресле, изготовленном из гнутых труб, наблюдая на экране телевизора игру в теннис или футбольный матч, но не затруднять себя чтением книг хоть изредка. Очевидно, трубы тоже относятся к цивилизации.

Профессор В. Тотомианц определяет степень культурности населения количеством корреспонденции, исчисляемой на душу населения каждой страны. Другие определяют культурность страны положением женщины в обществе и долею уважения к ней: имеет ли она равные права и равную оплату труда. Но здесь налицо эксплоатация человека человеком. Матео Алеман определяет степень цивилизации человеческого общества *совершенством,* с которым люди отнимают друг у друга достояния. Определение очень точное. Степень цивилизации населения можно определить социальными реформами, осуществленными для пользы народа, как всеобщее бесплатное обучение в низших, средних и высших школах, бесплатная медицинская помощь во всех ее видах, материальное обеспечение во время болезни и полное обеспечение инвалидности (увечия) и старости. Соблюдение этих условий, несомненно, повысит культурность народа. Но пока нет ни одной страны в мире, где бы эти условия были осуществлены, хотя человечество и стремится к этому.

Много книг написано о том, как цивилизация пришла к отсталым народам. Этот при-

ход можно суммировать несколькими словами: сначала шел воин с мечом, потом поп с крестом, а за ними купец с кошельком. Вот и все.

Разница между культурой и цивилизацией, конечно, есть: *культура — духовные достижения человечества, а цивилизация — материальные.* Культура неразрывно связана с наукой, а цивилизация — с техникой. Наука есть средство, победа над природой, освобождение, а техника — материальное (физическое) осуществление достижений науки.

Собственность тоже определяют по разному: священники проповедуют, что земля с ее недрами — божья, а собственники заявляют, что земля их. Когда большевики захватили власть и объявили все виды собственности — государственной, т .е. тех лиц, которые держат власть в своих руках и управляют страной, то капиталистические государства начали торговать с ними и признали факт захвата частной собственности. Следовательно, собственность принадлежит тому, кто ее захватит силой. Поэтому прав Прудон, определивший собственность, как воровство, что вполне верно.

Очень растяжимо понятие о демократии. В наше время существуют республики так называемых "народных демократий," где часть граждан пребывает за колючей проволокой в концлагерях, а другая часть "свободно" выражает свое мнение только "за." Линкольн определил демократию, как власть народа во имя народа и для народа. Бакунин определил демократию, как народоправство или самоуправление народа для его пользы. Эмиль Пужэ в своих "Основах Синдикализма" говорит, что демократия есть господство несознательного большинства, которое, объединяясь путем всеобщей подачи голосов, подавляет сознательное меньшинство. По решению большинства был отравлен Сократ и был распят Иисус Христос. Следовательно, демократия возможна только при свободе.

Игнацио Силоне определяет свободу следующими словами: свобода есть право сомневаться, право заблуждаться, искать и пробовать, право каждого человека противоспоставить свое нет. С древних времен человечество ходит, опираясь на костыли законов. А что такое закон? Это то, что предписывает диктатор, или то, что проводит большинство в парламенте или декретирует правительство.

Читая газеты, часто встречаешь выражения: "страна накануне анархии" или "в стране наступила анархия," но из дальнейшего повествования узнаешь, что в стране — промышленный застой и безработица, падает покупная способность населения, плохо работает транспорт и т. д., а в общем — хаос, но не анархия, как социальное учение о свободе и равенстве. Но почему значение одного слова заменяют другими и пытаются поставить между ними знак равенства? Одни по незнанию, а другие из-за выгоды. По Жану Граву анархия есть счастье каждой личности среди всеобщего благополучия. Анархисты, в отличие от всех политических партий, не желают навязывать людям свою власть и не желают, чтобы другие навязывали им свою власть. Анархистов интересует вопрос, как жить народу, а не как управлять им. Свободу анархисты понимают не в своеволии и причинении зла кому-либо, а в том, чтобы человек оставался свободным при всех обстоятельствах. В этом учении нет никаких признаков хаоса.

Современное человеческое общество стоит на грани двух эпох: государства, основанные на частновладельческом капитализме, начинают отмирать, а государства, основанные на госкапитализме, держатся только насилием, которое несомненно погибнет при внутреннем взрыве. Терпение русских трудно возмутить, но тем сильнее будет взрыв, когда при столкновении воспламенится динамит.

П. Седой.

Теперь ясно почему *доктринерные революционеры,* имеющие целью низвержение существующих властей и порядков, чтобы на развалинах их основать свою собственную диктатуру, никогда не были и не будут врагами, а, напротив, всегда были и будут самыми горячими поборниками государства. Они только враги настоящих властей, потому что желают занять их место; враги настоящих политических учреждений, потому что они исключают возможность их диктатуры, но вместе с тем самые горячие друзья государственной власти, без удержания которой революция, освободив не на шутку народные массы, отняла бы у этого мнимо-революционного меньшинства всякую надежду заложить их в новую упряжь и облагодетельствовать их своими правительственными мерами.

М. Бакунин.

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ДЕЛО ТРУДА - ПРОБУЖДЕНИЕ

УЗАКОНЕННАЯ МОНОПОЛИЯ

Американские капиталисты и их подголоски, выражая свое недовольство против наскоков большевизма, время от времени наступающего им на мозоли в своей борьбе за международные рынки и господство над миром, вопят о *преимуществах* частного капитализма над государственным, какой установили большевики в России и оккупированных ими соседних странах. Особенно кичаться они *"свободной конкуренцией,"* якобы стимулирующей *соревнование* вольных людей во всех областях производства и распределения, тогда как авторитарный коммунизм живет исключительно *принуждением,* лишает людей всякой инициативы и убивает *свободное творчество,* которое является единственным двигателем человеческого прогресса.

Частный капитализм они рисуют в радужных красках и пытаются убедить всех и каждого, что американский капитализм—не чета даже европейскому капитализму, не говоря уже о российском госкапитализме. Свои убеждения они приписывают "среднему американцу," который-де является ярым защитником частного капитализма, что совсем не верно, ибо борьбу американских тружеников за свободу и независимость нельзя назвать защитой капитализма, т. е. господства горсти миллиардеров и их прислужников над остальным населением страны.

По мнению апологетов частного капитализма, последний является идеальнейшей системой для удовлетворения всех нужд (потребностей) человеческого общества, системой, при которой *торгово-промышленные предприятия соревнуются в производстве и распределении* разнообразнейших товаров широкого потребления. В результате этой свободной конкуренции, говорят они, доллары потребителей идут в карманы тех фирм, которые поставляют на рынок самые наилучшие и в то же время самые дешевые товары. Это соревновение между фабрикантами якобы заставляет последних стремиться к массовому производству, которое с одной стороны понижает издержки производства и цены на товары, а с другой—способствует его расширению, продаже товаров и высокой оплате труда рабочих. Символом этой идеальной системы (производства и распределения) являются миллионы электрических холодильников и телефонов, потоки автомобилей, леса антен телевидения на крышах домов и сытые желудки рабочих, которые имеют собственные дома и автомобили или живут в приличных квартирах с отдельными спальнями, гостинными и кухнями с холодильниками.

Нарисованная картина привлекательна и манит материальным благоустройством. По описанию кажется, что преимущества складываются как бы в пользу частного капитализма против государственного, но это только на словах, а на деле — частный капитализм во многом тождествен большевизму, методы которого он старательно перенимает. В свое время (после Первой мировой войны) большевистские методы усвоили многочисленные европейские диктаторы, в том числе и наиболее известные из них — Муссолини и Гитлер, которые утвердили разновидности капитализма-большевизма—фашизм и нацизм. Американские капиталисты во многом ныне подражают большевикам и применяют их методы.

Чем же, собственно, отличается большевистский или коммунистический государственный капитализм от частного? Чем они разнятся друг от друга и что у них общее? Наиболее отличительной и ярко выраженной чертой большевизма, олицетворяющего собою госкапитализм, который господа коммунисты называют то социализмом, то коммунизмом, является безраздельная и абсолютная *монополия* не только на все средства и орудия производства и на распределение, но и на живую силу—на людей, которые приравнены к придаткам производства и бесчисленным винтикам государственной машины. Эта *коммунистическая монополия охватывает все стороны человеческой жизни и деятельности и сводится к живодерской эксплоатации подвластных и упрочению постоянного господства над ними.*

Социальный строй большевизма основан на полном порабощении личности, на полном закрепощении трудящихся города и деревни и на лишении народа всяких прав. Все, что сделали большевики, так это то, что на место прежних помещиков и капиталистов они поставили своих партийных комиссаров, которые выполняют те же эксплоаторские функции, что и частные капиталисты, но без непосредственной заинтересованности последних, так как выколачиваемые ими барыши поступают не прямо в их карманы, хотя немалая толика и прилипает к их рукам, а в сундуки "партии и правительства," кото-

рое именуется государством, тотальным, социалистическим государством, гораздо более централизованным, чем буржуазные государства. Номинально всем руководят якобы "советы," состоящие из компартийцев, а фактически распоряжается ЦК ВКП (б), вернее, Политбюро, переименованное в прошлом году в Секретариат. Таким образом *коммунистическое государство, которое по Ленину должно было давным давно отмереть,* превратилось в тоталиторное в лице секретариата КПСС и *стало единственным хозяином и повелителем народов России.* Это ничем не ограниченное могущество нескольких человек не может не вызвать зависти у честолюбивых и алчных капиталистов. Отсюда и вытекает непреодолимое желание копировать методы большевизма, пригодные для частновладельческого капитализма и обеспечивающие господство сильных над слабыми. Вот почему в последнее время наблюдается в Америке законодательная активность по усвоению большевизма и по охране отечественных монополий, служащих стержнем капиталистических вожделений.

Интересно проследить, как охрана монополии в Америке осуществляется на практике. До недавнего времени монополии устанавливались посредством сговора крупных корпораций той или иной отрасли промышленности, скажем, сталелитейной, нефтяной, автомобильной, электрической и т. д. Представители заинтересованных фирм негласно устанавливали т. н. "минимальные цены." Обнаружив сговор, министерство юстиции обязано, на основании антитрестовых актов Шермана и Клэйтона, возбуждать дела в суде о роспуске монополий. Это показывало по крайней мере, видимость борьбы с засильем монополистов. Теперь же под влиянием большевизма делается нечто обратное: на основании новоиспеченных законов правительство обязано охранять зафиксированные цены монополистов. В этом отношении весьма показателен т. н. "Fair Trade Act" или закон Мэк-Гвайра, принятый Конгресом в июле прошлого (1952) года. Его принятию предшествовал ряд не менее показательных эпизодов.

Одновременно следует отметить, что страной управляют денежные мешки через своих прямых или косвенных представителей, причастных к органам власти. Денежные мешки — влиятельные группы капиталистов, имеющие те или иные *особые интересы,* ограждения которых они домогаются не только в порядке фаворитизма от органов исполнительной власти, но и законодательных — штатных легислатур и Конгресса. Под патриотический шум войны, открывшей все шлюзы к баснословной наживе, они пришли к убеждению, что настало время монополизировать торговлю, т. е. обязать розничных торговцев — универсальные магазины и лавки — продавать поставляемые им товары по "минимальным ценам," установленными для них фабрикантами, которые они могут повышать, но не смеют понижать. Этим преследовалась цель перекачивания денег из карманов потребителей в сейфы торговцев и фабрикантов. Ту же цель преследовали и повышенные ставки налогов. К этому надо добавить, что во время войны развилась бешеная спекуляция, многие предметы первой необходимости были рационированы, а многие другие совершенно исчезли и перешли на черный рынок, где за них брали сколько хотели. По этой причине цены на предметы широкого потребления все повышались и повышались. Рабочий должен был равняться по этим ценам, ибо иного выхода не было.

Баснословные барыши лились потоками: война создала "просперити." Денежные мешки ликовали. Но они знали, что цикл легкой наживы — явление временное и что с окончанием войны спекулятивная свистопляска прекратится и возникнут перспективы 1929 года; это с одной стороны, а с другой — наглядным примером успеха являет большевизм, достигший могущества по линии партийной и утвердивший свою монополию после захвата политической власти, посредством которой он подчинил себе экономику. Правда, последняя у него слишком хромает на обе ноги и по сей день и требует все новых и новых человеческих жертв, но что значат жертвы, раз господство закреплено?! Следовательно, от большевизма можно кое-что позаимствовать.

Пока шла война и господствовала спекуляция алчных хищников, взвинтивших в несколько раз цены на предметы потребления, "минимальные цены" фабрикантов казались пустяками. Но с окончанием войны и переходом на мирное производство получки рабочих снизились, в торговле получилась некоторая заминка, в магазинах и лавках скопилось много залежавшегося хлама, который нужно было сбыть по сниженным ценам распродаж, но... законы не позволяли. К этому времени монополисты, действуя через штатные легислатуры, провели в 45 штатах законы о "хорошей торговле," даю-

щие фабрикантам право на установление зафиксированных цен, право на монополию и на привлечение к ответственности ее нарушителей, которые осмелятся снизить указанные им цены.

Однако среди законопослушных купцов оказались строптивцы, которые по тем или иным причинам, соображениями или велением совести решили игнорировать законы о "хорошей торговле," начали снижать цены и устраивать распродажи, дабы избавиться от залежавшихся товаров. Фабриканты, как и следовало ожидать, защищая интересы монополии, привлекли их к судебной ответственности за нарушение законов о зафиксированных ценах. В числе строптивых оказался Джон Швегманн, младший, глава торгового дома братьев Швегманн в Нью Орлиансе, штат Луизиана. Он, как и многие другие купцы, воспротивился диктату фабрикантов и довел дело легальной борьбы с монополистами до Верховного Суда США, который в мае 1951 года вынес решение в пользу ответчика Швегмана и признал, что нарушителями штатных законов "Фэйр Трэйд" могут считаться лишь те лица и фирмы, которые подписали договоры с фабрикантами о зафиксированных ценах. Решение Верховного Суда было равносильно отмене штатных законов о торговой монополии. После этого, как известно, началась т. н. "война цен"; многие универсальные магазины и лавки стали устраивать распродажи залежавшегося хлама по сниженным ценам.

Фабриканты поняли, что удачно построенная ими империя рухнула. Они налегли на конгресменов и сенаторов, чтобы те провели национальный закон в защиту их монополии. Но прежде чем принять такой закон, конгрессмены стали вызывать свидетелей, дабы на их показаниях обосновать свой закон. Для характеристики нравов приводим ниже краткие выдержки из некоторых показаний:

Джулиус Вестеймер, глава торгового дома Гутмана в Балтиморе, выступая свидетелем в юридической подкомиссии Дома Представителей, заявил, что "хорошие законы" о торговле совсем нехорошие: несправедливо принуждать торговцев поступать так, как они не соглашаются. "Если магазин покупает товары и платит за них, то он имеет право устанавливать на них и розничные цены. Наиболее активная поддержка зафиксированных цен исходит от двух сильных организаций розничной торговли, в особенности — аптекарской." ("АП" 21-2-52.)

Джон Швегманн, младший, руководитель торгового дома братьев Швегманн в Нью Орлинсе, выступая в той же подкомиссии, охарактеризовал законы о "хорошей торговле" — "дьявольским планом уничтожить конкуренцию во всех видах."

Представитель торгового дома Мэйси в Нью Йорке — Форрест Вокер, выступая там же, заявил, что "общественная политика требует защиты миллионов потребителей, а не заинтересованной горсти фабрикантов и розничных торговцев. Практика показала, что законы о "хорошей торговле" нехорошие... Американский потребитель настаивает на своем праве покупать товары по самым дешевым ценам, какие он может найти."

Аптекарь Самуил Розенталь из Ричмонда, Вирджиния, представил подкомиссии список 208 предметов — разные медикаменты и лекарства, туалетные и электрические принадлежности, а также другие товары, продаваемые в аптеках,— на общую сумму в 945 д., которые потребитель должен уплатить по зафиксированным ценам в 45 штатах, имеющих законы о "хорошей торговле," но в штатах Вермонт, Мизури и Тексас, где нет узаконенной монополии, потребитель может получить все эти товары за 740 д., т. е. на 205 д. дешевле. "Эти цифры говорят сами за себя," — заключил допрошенный свитетель Розенталь.

Профессор Джозеф Кламон из Вашингтонского университета в С-Луисе, дополняя показания предыдущих свидетелей, отметил, что установление фабрикантами цен для розничной продажи является для них пуховиком и преследует цели не расширения производства и торговли, а сужение выбора потребителей." ("АП," 25-2-52.)

Несмотря на столь неблагоприятные отзывы свидетелей, в большинстве самих же торговцев, о законах "Фэйр Трэйд," национальный Конгресс, выполняя задания влиятельных групп фабрикантов и торговцев, узаконил 2 июля 1952 года зафиксированные цены, аннулировав этим решение Верховного Суда и утвердив право фабрикантов устанавливать свои цены для розничных торговцев в 45 штатах. В оправдание своего решения вашингтонские законодатели снабдили его мотивировкой, что закон о "хорошей торговле" проведен ими для того, чтобы "защитить (?!) права отдельных штатов... регулировать их внутренние дела, в особенности издавать законы или статуты, авторизирующие договоры или соглашения о минимальных ценах на предметы потребления."

Узаконенная частная *монополия* ничем не лучше государственной. В России "минимальные цены" устанавливает правительство, якобы выполняющее "волю народа," — о чем оно неустанно твердит на всех углах и перекрестках, — и действующее от имени компартии, которая с установлением *диктатуры и монополии* перестала быть политической партией и превратилась в эксплуататорскую фирму рабовладельцев, а в США "минимальные цены" устанавливаются кучкой промышленников и торговцев, преследующих те же цели, что и большевики-

коммунисты. Одним словом, два сапога— пара.

Немедленно после проведения нового закона монополисты, опутывающие со всех сторон американских потребителей, выступили с грозными предупреждениями по адресу нарушителей зафиксированных цен. Председатель "Американ Фэйр Трэйд Коунсил" г. Андерсон заявил, что Совет предпримет необходимые меры по охране интересов 2,000 членов своей ассоциации и запретит торговым домам, продающим товары по почте, снижать "минимальные цены" ("Н. И. Т." 18-7-52). Однако опять нашлись те же законоослушные смельчаки, бросившие вызов монополистам и услужливым законодателям штатных легислатур и Конгресса. Игнорируя штатные законы и новопринятый федеральный закон Мэк-Гврайра о защите зафиксированных цен, они не прекратили продаж по сниженным ценам. Джон Швегман опять оказался в первом ряду борцов против засилия монополистов. Его непримиримая позиция привела его в суд по жалобе фармацевтической фирмы Лилли и Ко, потребовавшей на основании Акта Мэк-Гвайра наложить запрещение на продажу выпускоемых ею медикаментов по сниженным ценам. Федеральный судья Скелли Райт, слушавший дело Лилли-Швегманн 15-12-52, пригласил ответчика рассказать, каким образом "Фэйр Трэйд" законы мешают его торговле. Швегманн пояснил:

> "В моем деле важно установить стоимость предмета, включая сюда и скрытую скидку. Мы знаем, сколько стоит нам вести торговое дело, сколько стоит такой-то предмет и какую прибыль мы желаем получить. Сложив все это, мы ставим цены. Зафиксированные же цены на медикаменты столь высокие, что вы не поверили бы, что один человек может сдирать столько с другого."

В прениях сторон поверенный Лилли и Ко — Хэрри Мэк-Колл заявил, что Швегманн сознательно нарушает законы, поэтому должен быть призван к порядку. Адвокат последнего Джон Висдом доказывал, что национальный закон Мэк-Гвайра нарушает конституцию США и что право собственности фабрикантов не может распространяться на розничных торговцев. Советник же Эверет Виллис заявил, что штат (Луизиана) вправе защищать добрую волю фабрикантов полицейскими мерами, независимо оттого сколько раз товар фабриканта переходит из рук в руки.

Фирма Лилли и Ко. выиграла дело: федеральный суд в Нью Орлинсе запретил Швегманну продавать ее товары по сниженным ценам, ибо по закону Мэк-Гвайра фирма Лилли и Ко имеет право устанавливать свои цены для розничных торговцев. После этого другие фармацевтические фирмы, как Джонсон и Джонсон, Стерлинг Дрог, Персонал Продуктс, Бристол-Майерс, Сквибб, Левер Бродерс и т. д. возбудили дела в суде против Швегманна о наложении запрещения на продажу их товаров по сниженным ценам.

Судебные тяжбы между сторонниками и противниками монополии начались в разных городах и штатах. Успехи монополистов перемежаются с некоторыми неудачами. В декабре 1952 г. чикагская фирма Сонбим, предъявившая иск в 6 миллионов долларов к торговому дому Мэйси в Нью Иорке и покончившая дело секретным примирением и подписанием Мэйси соглашения о соблюдении зафиксированных цен, в январе 1953 г. потерпела поражение в федеральном суде Нью Иорка, который отказал ей в прекращении дела, возбужденного против нее торговым домом Мэйстерс, предъявившим иск в 75,000 д. к фирме Сонбим за то, что последняя отказывается снабжать своими товарами розничных торговцев, не подписавших с нею соглашения о "минимальных ценах." Мэйстер оспаривает конституционность законов Мэк-Гвайра и Фелд-Крофорда и надеется доказать в суде, что законы о "хорошей торговле" нарушают антитрестовый Акт Шермана.

Более чувствительную неудачу понесли монополисты в штате Джорджия: 25 февраля сего года штатный Верховный Суд признал закон о "хорошей торговле" *недействительным,* т. к. он противоречит федеральному Акту Шермана и штатному законодательству, запрещающему соглашения, которые уменьшают соревнования или покровительствуют монополии. Это решение было вынесено по делу фирмы Онида, требовавшей наложения запрещения на продажи ее изделий по сниженным ценам в магазинах Грэйсон-Робинсон в Атланте. Оно озадачило монополистов, одержавших перед тем победу в штате Нью Иорке, Верховный Суд которого запретил торговому дому Клайна в г. Нью Иорке продавать по сниженным ценам изделия фирмы Дженерал Электрик, имеющей полумиллионный фонд для защиты интересов монополии и ограждающих ее законов.

Если не решительную, так большую победу монополисты получили неожиданно: Джон Швегманн, протестуя против закона

Мэк-Гвайра, разрешающего фабрикантам привлекать к суду купцов, не подписавших с ними соглашения, и налагать запрещения на снижение зафиксированных цен, опять довел дело легальной борьбы до Верховного Суда США с просьбой пересмотреть решение низшей инстанции; 19 октября 1953 г. Суд отклонил его просьбу и этим одобрил узаконенную монополию, признав конституционным Акт Мэк-Гвайра, который разрешает штатам обязать *всех* торговцев подчиниться диктату фабрикантов, если хоть один из них (торговцев) подписал соглашение о "минимальных ценах." Новое решение Верховного Суда вызвало у монополистов радужные надежды на окончательное закрепление торговой монополии. Их руководители из "Американ Фэйр Трэйд Коунсил" признают, что поражение Швегменна не является их окончательной победой и что аналогичное дело, подобное Лилли-Швегманн, возникнув в другом федеральном округе, может быть доведено до Верховного Суда, который и должен будет пересмотреть оба дела по существу. Они заявляют, что их борьба по закреплению монополии будет усилена в штатах Джорджия, Мизури, Тексэс ,Вермонт и в Дистрикте Колумбии. Для Джорджии ими уже написан новый закон о "хорошей торговле," который и будет внесен на одобрение штатной легислатуры в ноябре с. г. В штате Мичиган монополия не вполне закреплена: не подписавшие договора с фабрикантами о "минимальных ценах" могут продавать их товары по сниженным ценам, но тоже с хорошей прибылью.

Достойно внимания то, что, несмотря на победу монополистов и грозные предупреждения, многие торговые дома в Нью Иорке, Чикаго, Лос Анджелес и других больших городах продолжают снижать зафиксированные цены. Вдобавок многие торговцы обвиняют фабрикантов в том, что последние, чтобы продвинуть залежавшиеся товары, вступают в соглашения с представителями комиссионных домов, которые и сбывают их товары по более низким ценам, чем "минимальные." Наглядным примером может служить продажа торговым домом Вым, имеющим в Нью Иорке и окрестностях 54 магазина, выпускаемых фирмой Дженерал Электрик холодильников, "минимальная цена" которых — 340 д. каждый; Вым же объявил распродажу по 200 д. за "фризер" и 290 долларов за домашний холодильник. На запросы розничных торговцев управляющий магазином фирмы Дженерал Электрик заявил, что ему не известно, откуда Вым получил холодильники его фирмы, а президент последней добавил: "От времени до времени мы получаем изделия Дженерал Электрик не из тех мест, откуда их получают розничные торговцы" ("Н. И. Т." 12-8-53).

Из вышеприведенных данных видно, что никакой свободной конкуренции нет и что борьба между сторонниками и противниками узаконенной монополии слишком сложна и требует, кроме влияний, огромных средств.* Крупный капитал побеждает во всех отраслях торговли и промышленности и закрепляет за собой права на монополию. Борьба правительства с засильем монополистов не представляет для них сколько-нибудь серьезной опасности: крупные интересы всегда остаются в выигрыше. Узаконенная монополия ясно свидетельствует об этом. Она устраняет всякий риск, обеспечивает солидные прибыли и командное положение. Вот почему методы большевизма легко усваиваются американскими толстосумами, которым не нравитеся зеркало, отражающее их алчные физиономии. Как и у большевиков, торговля, служащая средством распределения, является предметом наживы.

Наш же идеал: от каждого по способности и каждому по потребности.

К. Филиппович.

Американские индейцы никогда не подчинялись никаким законам, никакой власти или тени какого-либо правительства. Их единственный руководитель — это обычай и то нравственное сознание добра и зла, которое, как чувство вкуса и осязания в каждом человеке, составляет часть его природы. Оскорбление этих чувств наказуется презрением, исключением из общества или в серьезном случае, как, например, убийство, наказывается теми лицами, которые пострадали. Как ни кажутся несовершенны эти способы наказаний, преступления очень редки между ними.

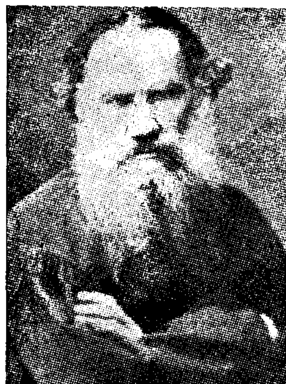
Если спросить, что более склоняет человека к злу: отсутствие ли за[illegible] меж-
ду дикими индейцами. [illegible]зможность, — [illegible]
законов, как среди [illegible]ашение и всякая кон-
пейцев, что, конеч[illegible] глупость, или игрушка,
счастливее, бу[illegible]дерзость, или все это вместе.
себе, а не на п[illegible]ле, что такое в наше время
[illegible], без которых людям кажется
[illegible]существовать?

---

* По газетным [illegible] время, когда правительство
вал 75,000 д. н[illegible]димое и меньшее зло, чем то,

ПАТРИОТИЗМ И ПРАВИТЕЛЬСТВО*

Мне уже несколько раз приходилось высказывать мысль о том, что патриотизм в наше время чувство неестественное, неразумное, вредное, причиняющее большую долю тех бедствий, от которых страдает человечество и что поэтому чувсво это не должно быть воспитываемо, как это делается теперь, — а напротив, подавляемо и уничтожаемо всеми зависящими от разумных людей средствами.

Л. Н. Толстой

Казалось бы и зловредность и неразумие патриотизма должны бы быть очевидны людям. Но удивительное дело, просвещенные, ученые люди не только не видят этого сами, но с величайшим упорством и горячностью, хотя и без всяких разумных оснований, оспаривают всякое указание на вред патриотизма и продолжают восхвалять благодательность и возвышенность его.

Что же это значит?

Одно только объяснение этого удивительного явления представляется мне. Вся история человечества с древнейших времен и до нашего времени может быть рассматриваема, как движение сознания и отдельных людей, и однородных совокупностей их от идей низших к идеям вєсшим.

Всегда, как для отдельного человека, так и для отдельной цовокупности людей, есть идеи прошедшего, отжитые и ставшие чуждыми, к которым люди не могут уже вернуться, как, например, для нашего христианского мира — идеи людоедства, всенародного грабежа, похищения жен и т. д., о которых остается только воспоминание; есть идеи настоящего, которые внушены людям воспитанием, примером, всей деятльностью
окрубрикантов ны, идеи под властью кото-
ы на розничных торное время, как, напри-
Эверет Виллис заявил, что еи собственности,
вправе защищать добрую ства, торговли,
тов полицейскими мерами, незотными и т. п.
го сколько раз товар фабрикан
из рук в руки.

Фирма Лилли и Ко. выиграл
ральный суд в Нью Орлинсе за

о дня рождения
таем отрывки из
равительство."—

И есть идеи будущего, из которых одни уже близки к осуществлению и заставляют людей изменять свою жизнь и бороться с прежними формами, как, например, в нашем мире идеи освобождения рабочих, равноправности женщин, прекращения питания мясом и другие идеи, хотя уже и сознаваемые людьми, но еще не вступившие в борьбу с прежними формами жизни. Таковы в наше время называемые идеалами идеи уничтожения насилия, установление общности имуществ, всеобщего братства людей. И потому всякий человек и всякая однородная совокупность людей, на какой бы ступени они ни стояли, имея позади себя отжитые воспоминания о прошедшем и впереди идеалы будущего, всегда находятся в процессе борьбы между отживающими идеями настоящего с входящими в жизнь идеями будущего. Совершается обыкновенно то, что, когда идея, бывшая полезной и даже необходимой в прошедшем, становится излишней, идея эта, после более или менее продолжительной борьбы уступает место новой идее, бывшей прежде идеалом, становящейся идеей настоящего.

Но бывает и так, чо отжившая идея, уже замененная в сознании людей, такова, что удержание этой отжитой идеи, выгодно для некоторых людей, имеющих наибольшое влияние в обществе. И тогда совершается то, что эта отжившая идея, несмотря на свое резкое противоречие всему изменившемуся в других отношениях строю жизни, продолжает влиять на людей и руководить их поступками. Такая задержка отжившей идеи всегда происходила и происходит в области религиозной. Причина этого та, что жрецы, выгодное положение которых связано с отжившей религиозной идеей, пользуясь своей властью, умышлено удерживают людей в отжившей идее.

То же самое происходит и по тем же причинам в области государственной по отношению к идее патриотизма, на которой основывается всякая государственность. Люди, которым выгодно поддержание этой идеи, неимеющей уже никакого ни смысла, ни пользы, искусственно поддерживают ее. Обладая же могущественнейшими средствами влияния на людей, они всегда могут делать это.

В этом представляется мне объяснение того странного противоречия, в котором находится отжившая идея патриотизма со всем

противным ему складом идей, уже вошедших в наше время в сознание христианского мира.

Народы без всякого разумного основания, противно и своему сознанию, и своим выгодам, не только сочувствуют правительствам в их нападениях на другие народы, в их захватах чужих владений и в отстаивании насилием того, что уже захвачено, — но и сами требуют этих нападений, захватов и отстаиваний, радуются им, гордятся ими. Мелкие угнетенные народности, попавшие под власть больших государств, — поляки, ирландцы, чехи, финляндцы, армяне, — реагируя против давящего их патриотизма покорителей, до такой степени заразились от угнетающих их народностей этим отжитым, ставшим ненужным, бессмысленным и вредным чувством патриотизма, что вся их деятельность сосредоточена на нем и что они сами, страдая от патриотизма сильных народов, готовы совершить над другими народностями то же самое, что покорившие их народности производили и производят над ними.

Происходит это от того, что правящие классы (разумеется под этим не одни правительства с их чиновниками, но и все классы, пользующиеся исключительно выгодным положением — капиталисты, журналисты, большинство художников, ученых) могут удерживать свое исключительно выгодное — в сравнении с народными массами — положение только благодаря государственному устройству, поддерживаемому патриотизмом. Имея же в своих руках все самые могущественные средства влияния на народ, они всегда неукоснительно поддерживают в себе и других патриотические чувства, тем более, что эти чувства, поддерживающие государственную власть, более всего другого награждаются этой властью.

Всякий чиновник тем более успевает по службе, чем он более патриот; точно также и военный может подвинуться в своей карьере только на войне, которая вызывается патриотизмом.

Патриотизм и последствия его — войны дают огромный доход газетчикам и выгоды большинству торгующих. Всякий писатель, учитель, профессор тем более будет проповедывать патриотизм. Всякий император, король тем более приобретает славы, чем более он предан патриотизму.

В руках правящих классов войско, деньги, школа, религия, пресса. В школах они разжигают в детях патриотизм авариями, описывая свой народ лучшим из всех народов и всегда правым; во взрослых разжигают это же чувство зрелищами, торжествами, памятниками, патриотической, лживой прессой; главное же разжигают патриотизм тем, что, совершая всякого рода несправедливости, жестокости против других народов, возбуждают в них вражду к своему народу, а потом этой-то враждой пользуются для возбуждения вражды и в своем народе.

Разгорание этого ужасного чувства патриотизма шло в европейских народах в какой-то быстро увеличивающейся прогрессии и в наше время дошло до последней степени, далее которой идти уже некуда.

Положение все ухудшается и ухудшается и остановить это, ведущее к явной погибели, ухудшение нет никакой возможности. Единственный представляющий легковерным людям выход из этого положения закрыт теперь событиями последнего времени; я говорю о Гаагской конференции и тотчас же последовавшей за ней войной Англии с Трансвалем.

Если мало и поверхностно рассуждающие люди и могли еще утешаться мыслью, что международные судилища могут устранять бедствия войны и все ростущих вооружений, то Гаагская конференция с последовавшей за ней войной очевиднейшим образом показала невозможность решения вопроса этим путем. После Гаагской конференции стало очевидно, что до тех пор, пока будут существовать правительства с войсками, прекращение вооружений и войн невозможны. Для того, чтобы возможно было соглашение, нужно, чтобы соглашающиеся верили друг другу, для того же, чтобы державы могли верить друг другу, они должны сложить оружие, как это делают парламентеры, когда съезжаются для совещаний.

До тех же пор, пока правительства, не веря друг другу, не только не уничтожают, не уменьшают, но все увеличивают войска соответственно увеличению у соседей, неукоснительно через шпионов следят за каждым передвижением войск, зная, что всякая держава набросится на соседнюю, как только будет иметь к тому возможность, — невозможно никакое соглашение и всякая конференция есть или глупость, или игрушка, или обман, или дерзость, или все это вместе.

В самом деле, что такое в наше время правительства, без которых людям кажется невозможным существовать?

Если было время, когда правительство было необходимое и меньшее зло, чем то,

которое происходило от беззащитности против организованных соседей, то теперь правительства стали не нужное и гораздо большее зло, чем все то, чем они пугают свои народы.

Правительства, не только военные, но правительства вообще, могли бы быть, уже не говорю — полезны, но безвредны, только в том случае, если бы они состояли из непогрешимых и святых людей, как это и предполагается у китайцев. Но ведь правительства по самой деятельности своей, состоящей в совершении насилий, всегда состоят из самых противоположных святости элементов, из самых дерзких, грубых и развращенных людей.

Всякое правительство поэтому, а тем более правительство, которому предоставлена военная власть, есть ужасное, самое опасное в мире учреждение.

Правительство, в самом широком смысле, включая в него и капиталистов, и прессу, есть не что иное, как такая организация, при которой большая часть людей находится во власти стоящей над ними меньшей части, а это еще меньшей и т. д., доходя, наконец, до нескольких людей или одного человека, которые посредством военного насилия получают власть над всеми остальными.

Устроят себе люди такую страшную машину власть, предоставляя захватывать эту власть кому попало, (а все шансы за то, что захватит ее самый нравственно дрянной человек), и рабски подчиняются и удивляются, что им дурно. Боятся мин, анархистов, а не боятся этого ужасного устройства, всякую минуту угрожающего им величайшими бедствиями.

Для избавления людей от тех страшных бедствий, вооружений и войн, которые все увеличиваются, нужны не конгрессы, не конференции, не трактаты и судилища, а уничтожение того орудия насилия, которое называется правительствами, и от которых происходят величайшие бедствия людей.

— Для уничтожения правительства нужно только одно — нужно, чтобы люди поняли, что то чувство патриотизма, которое одно поддерживает это орудие насилия, есть чувство грубое, вредное, стыдное и дурное, а главное — безнравственное. Грубое чувство потому, что оно свойственно только людям, стоящим на самой низкой ступени нравственности, ожидающим от других народов тех самых насилий, которые они сами готовы нанести им; вредное чувство потому, что оно нарушает выгодные и радостные мирные отношения с другими народами и главное производит ту организацию правительств, при которых власть может получить и всегда получает худший.

Стоит людям понять это, и само собой, без борьбы распадается ужасное сцепление людей, называемое правительством, и вместе с ним то ужасное бесполезное зло, причиняемое им народам.

Мы хотим только не делать другим того, чего не хотели бы, чтобы нам делали.

Война есть непременное следствие существования вооруженных людей. Страна, содержащая большую постоянную армию, рано или поздно будет воевать. Человек, гордящийся своей силой в кулачном бою, когда нибудь встретится с человеком, который считает себя лучшим бойцом, — они будут драться.

Но что же будет, если не будет правительств? — говорят обыкновенно.

— Ничего не будет; будет только то, что уничтожится то, что было давно уже не нужно и потому излишне и дурно; уничтожится тот орган, который став ненужным, сделался вредным.

— Но если не будет правительств, — люди будут насиловать и убивать друг друга, — говорят обыкновенно.

— Почему? Почему уничтожение той организации, которая возникла вследствие насилия и по преданию передавалась от поколения к поколению для произведения насилия, — почему уничтожение такой потерявшей употребление организации сделает то, что люди будут насиловать и убивать друг друга?

Казалось бы напротив, уничтожение органа насилия сделает то, что люди перестанут насиловать и убивать друг друга.

Так что, если бы и действительно отсутствие правительств означало анархию в отрицательном, беспорядочном смысле этого слова (чего оно вовсе не означает), то и тогда никакие беспорядки анархии не могли бы быть хуже того положения, до которого правительства уже довели свои народы и к которому они ведут их.

И потому не может не быть полезным для людей освобождение от патриотизма и уничтожение зиждущегося на нем деспотизма правительств.

Л. Н. Толстой.

ПРОГРАММА XX ВЕКА*

"Свобода, подобно истине, не составляет какого-либо частного вида человеческих благ, а служит одним из необходимых элементов, входящих в состав каждого частного блага" (Н. Г. Чернышевский, "Труд и Капитал").

Стремясь к счастливой жизни, рабочие ставят ту или иную ближайшую цель, ту или иную ближайшую задачу.

А. А. Карелин

Но каждый раз "давящие" общественные классы, а то и группы населения встают во главе рабочего движения и пользуются им для своих целей, или всецело пожинают плоды революционного выступления рабочего люда.

Почти всегда оказывалось, что буржуазия или интеллигентные группы населения съедали плоды там, где пахали, сеяли и жали рабочие.

Причина этого заключалась в том, что рабочий народ настолько неотчетливо представлял себе цель, к которой стремился, что ее легко подменяли всевозможные политиканы *своими* целями и снова обрекали народные массы на бедную, скудную жизнь.

Усталый от героической борьбы, обескураженный ясно прочувствованный неудачей движения или восстания, растерявшийся народ отступал перед кучкой захватчиков власти, которые, громко крича о победе народа, о том, что они (захватчики) являются выразителями народной воли, не стеснялись тысячами и сотнями тысяч убивать рабочих и терроризовали их свирепо-палаческой деятельностью. Опираясь на свою подкупленную полицию разных видов и на свою бюрократию или наживающую деньги публику, правители обращали тружеников в какую-то разновидность рабочего скота, при чем не скупились сулить порабощенному народу прекрасное, светлое будущее, обольщая рабочие массы миражем ложных надежд.

Движения рабочих масс в конце XVIII века дали народу очень мало. Почти ничего не дали эти движения и в XIX веке. Многие из нас увидят, что именно дадут трудящимся восстания XX века. До сих пор они ничего не дали рабочим, много дав политическим партиям.

Лозунги, под которыми шли рабочие, или обезображивались до неузнаваемости, или опошлялись правителями и давящими общественными классами, как был, например, опошлен лозунг "братство, равенство и свобода." В других случаях эти лозунги выбрасывались из правительственного обихода, или заменялись чем-то буквально противоположным. Эти лозунги лживо провозглашались вредящими интересам народных масс, а в действительности мешали правителям деспотически распоряжаться жизнью подданных.

В других случаях самый лозунг был ошибочным, как, например, лозунг "промышленные предприятия — социалистическому государству," а не рабочему люду, как целому. В этом случае предполагалось, что производство и распределение продуктов будет организовано на коммунистических или на социалистических началах. Герберт Спенсер говорил (в начале 80-х годов прошлого столетия) о таком государстве следующее: "Случись при таких условиях что-либо вроде войны с соседним государством или какой-либо междуусобной суеты, потребующей вооруженной силы для ее подавления, и социалистическая администрация превратится разом в страшную тиранию, подобную той, которая существовала некогда в древнем Перу, — тиранию, под которой масса народа, находясь в руках чиновничьей иерархии, живя под недремлющим уличным и домашним надзором и работая чисто для содержания правящих властей, будет получать сама едва одно только голое пропитание." (Г. Спенсер. "Грядущее Рабство." С-Петербург. Изд. А. Е. Рябченко 1884 г., стр. 75-76.)

По мнению Спенсера, в социалистическом государстве на долю начальства выпадает давание приказаний рабочему классу, а на долю рабочих — выполнение заданных начальством уроков. Каждый гражданин этого государства попадает "перед агентом власти в положение раба по отношению к господину." (Там же, стр. 70-71.)

Жизнь таких социалистических госу-

---

* По случаю 90-летия со дня рождения Апполона Андреевича Карелина мы печатаем его статью "Программа XX века," которая была написана им в 1922 г.—РЕДАКЦИЯ.

дарств, как Венгрия и Россия, дает возможность проверить, насколько точны или насколько произвольны были предсказания Спенсера.

***

Какова же должна быть программа рабочих XX века, та программа, осуществление которой дало бы рабочим возможность жить счастливо и достойным человека образом?

Еще Н. Г. Чернышевский писал: какое благо ни возьмете вы, "вы увидите, что условием его существования служит свобода." (Полное Собрание Сочинений, т. VI, стр. 11.) Можно далее сказать, что жизнь без свободы стоит очень мало, а жизнь при наличности свободы прекрасна и дает людям счастье. Тем не менее, речь идет здесь об истинной свободе. Нет сомнения, что свобода конституционных государств западной Европы является простой самозванкой. Надо также указать, что нет свободы и в социалистических государствах, как нет ее, например, в России, где политическая свобода даже не обещается гражданам стоящими во главе этого государства лицами. ("Мы не обещаем никаких свобод," говорил в июле 1921 года В. И. Ленин.) В социалистическом государстве свобода воистину является "бессмысленными мечтаниями," "демагогией" и прочее.

Свободы буржуазных государств это — лицемерные свободы, так как нет и не может быть свободы у бедняков, которым приходится за гроши продавать свой труд, работая на капиталистов. "Нищета есть рабство" и нищета, то приличная, то отвратительная, то скрывающая свое убожество под приятной внешностью, то откровенно выставляющая на показ свои ужасные язвы — обычное явление в капиталистических странах. Эта нищета — один из тех китов, на которых покоится буржуазное общество.

Для бедняков нет свободы слова, печати, собраний. Нет материальной возможности, нет времени создать свою прессу, хоть сколько нибудь влиятельную и заметную. Нет у бедняков и средств для найма больших помещений под собрания. Да и все другие свободы являются для бедняков неясными призраками, так как свобода в капиталистических странах давно уже стала роскошью богатых. Право свободы в таких общежитиях — мертвое право, как право для бедняка построить роскошный дворец для собственного пользования.

Только при наличности материального благосостояния человек может быть свободен. Материальное же благосостояние рабочего народа мыслимо только при том условии, что все средства пироизводства (фабрики, заводы с оборудованием, железные дороги, пароходы и пр. и пр.) будут общим достоянием и будут находиться в заведывании рабочего класса, его рабочих союзов.

При наличности этого условия исчезнет эксплуатация рабочего народа капиталистами и станет затруднительной эксплуатация рабочего народа правителями и интеллигентами.

Но это только одно из условий возможной свободы. Безусловно необходимо также, чтобы каждый имел право и возможность получить работу. Если останется право и возможность оставить без работы хотя бы одного желающего работать, если одни будут получать из продуктов общественного труда больше, чем им следует получить, при условии справедливого распределения, (то есть получить столько, что, благодаря таким большим получкам, не будут удовлетворяться потребности других людей) — свободы не будет.

Свободы не будет и в *социалистических* государствах, тем более, что в этих обществах неизбежны правители, насилующие волю других обывателей — подданных, лишающих их свободы каждый раз, когда это желательно представителям верховной власти.

В глубокой древности разница между рабом и гражданином бросалась в глаза. В настоящее время эта разница маскируется, но тем не менее сущность рабства остается. Раб работает не только на себя и на своих, но и на господ, отдавая им все, что господа желают от него взять. Совершенно такое же соотношение заметно в настоящее время между рабочими и капиталистами, а также между рабочими и государством-предпринимателем. Но и простое государство (правители) берет свою долю, урезывая скромный доход бедняков и заставляя капиталистов брать с рабочих и ту долю производимых ими богатств, которую государство отбирает у богачей в виде налогов.

Если мы будем говорить о крестьянах, то в этом случае капиталист-предприниматель заменяется капиталистом-ростовщиком или капиталистом-купцом, а роль государства, как налогодателя, выступает особенно рельефно. Правители умеют заставить крестьян работать на себя то грубо-хищническими, то хитрими приемами, отбирая у

этих тружеников продукты их тяжелого труда.

Экономические признаки не исчерпывают сущности рабства. Раб не имеет права говорить то, что думает, не смеет критиковать самое глупое распоряжение своего господина или распоряжения своего правительства в деспотических странах. В этих несчастных странах, в этих тираниях подданные не имеют права печатать свои произведения без разрешения правителей, при чем гениальные произведения запрещаются, погибают без пользы, а бездарные пошлейшие произведения холопов власти издаются в массе экземпляров.

Правители не дают далее права рабочим собираться, не дают права устраивать союзы, лишают граждан права свободного передвижения. Нет и тени свободы, и беспросветный мрак порабощения, как густой туман, стелется в этих деспотиях. При этом правители, а в особенности правители *социалистических государств,* постоянно утверждают, что все эти ограничения и лишения свободы сделаны ими для "блага" подданных, или для "блага" более или менее отдаленных потомков этих несчастных обывателей.

В некоторых случаях *рабовладельцы-правители* идут еще далее: они убивают самодеятельность народа и своей суетливой деятельностью, своим бюрократическим времяпрепровождением пытаются заменить народное творчество. Скорее им удастся зажечь второе солнце, чем добиться этой цели. Все разлагается в руках чиновников, пытающихся организовать производство. Все беднее, все скуднее, все пошлее становится жизнь обывателей. Отсутствие свободы слова порождает фантастические злоупотребления, невероятное взяточничество, шпионаж. Высшие правители самым наглым образом обманываются своей бюрократией и становятся все более и более ненавистными для своих подданных. К чувству ненависти примешивается чувство полного презрения, и напрасно стараются тогда правители террором заставить уважать себя. Их террор называют "террором трусов," над их неизбежными неудачами и над их покаяниями в этих неудачах обыватели зло смеются. Насмешки, начиная от самых незлобных до самых ядовитых, градом сыплются на вообращающих себя грозными, правителей; обыватели срывают свое сердце, но жизнь становится все более и более невыносимой. Народные массы неудержимо нищают. Городские и сельские голодовки захватывают все большие и большие районы. Богатеют только бюрократы-воры, бюрократы-взяточники и пользующиеся их незаконными услугами спекулянты.

Рабовладельцы-правители из кожи лезут, стараясь улучшить экономическую жизнь страны, меняют свои программы и свою технику, мечтают о крупном производстве и, отказавшись от социализма, отыскивают его основания в обеднении крестянства и первоначальном накоплении. Крестьянство систематически разоряется, мелким хищникам дается некоторая поддержка в их безудержном стремлении к обогащению, спекуляция охватывает широкие круги населения и все таки никакого толку не выходит из всей этой суеты. Крупная промышленность немыслима без политических свобод. Она немыслима, если каждый промышленник может быть в любой момент арестован по приказу и произволу глупого хулигана, поступившего в ряды шпионов, когда коммерческая тайна не может быть сохранена, когда нет неприкосновенности корреспонденции и пр. и пр. Одна экономическая политика сменяется другой; то, за что вчера расстреливали, сегодня вменяется в обязанность и все таки, кроме скучной чепухи, ничего не выходит.

Попытка создать коммунистический строй полицейскими мерами, при полном отсутствии свободы, может создать только такой строй, который порождает отвращение. Любопытна в этом отношении попытка иезуитов, устроивших между Паранной и Урагваем в 1638 г. коммунистическое государство, насчитывающее через сто слишком лет более 100,000 жителей. Подданные этого государства беспрекословно, слепо подчинялись своим правителям-иезуитам. Здесь все было общим достоянием. Тем не менее каждая семья жила в особом доме. "Каждая семья получала свою порцию хлеба, мяса, парагвайского чая, свою порцию соли, табаку и все это в изобилии и хорошего качества" (А. Фойгт. "Социальные утопии." СПБ, 1906 г., стр. 60-51). В этом государстве вырабатывались музыкальные инструменты, предметы искусства "всякого рода." Мальчики умели читать и писать, девочки прясть и вязать. Работа не была тяжелой, устраивалось множество праздненств и увеселений. Музыка и танцы были нередким развлечением подданных.

И что же? Подданные коммунисты лишились даже и тени инициативы и самодея-

тельности. Все проявления вольной самопомощи погасли у них. Что-либо похожее на человеческие, хорошие чувства заглохло. Все эти подневольные коммунисты походили на обжорливых животных. Тем не менее в поселениях этих подданных рабов, лишенных и тени свободы, господствовали тоска и скука. Население перестало даже размножаться. Так убийственно действует на людей рабство, хотя бы и достигшее казарменного равенства.

Без экономической и политической свободы рабочий класс, как был, так и останется глубоко несчастным, эксплуатируемым, угнетенным.

Экономической свободой мы назовем отсутствие эксплуатации, возможность для каждого гражданина пользоваться приблизительно равным материальным благосостоянием, удовлетворяя свои потребности, как и все другие граждане.

Политической свободой называются те свободы, которые перечисляются в программах политических партий (очень подробно были они перечислены в программе партии социал-демократов-большевиков, пока эта партия не захватила государственной власти). Эти свободы торжественно обещаются, пока партии не у власти, а затем обрезываются или всецело отбрасываются, раз только социалистическая партия достигла власти и почувствовала за собой достаточную полицейскую силу. В Советской России, например, не существует и тени свободы выборов, слова, печати, союзов, собраний, манифестаций, передвижения, выбора занятий и пр. Нет и тени сомнения, что при ужасном царском режиме рабочий класс пользовался большей свободой, чем при режиме большевиков, создавших свою диктатуру.

Политические свободы в их полном объеме, которыми могли бы наслаждаться все граждане, мыслимы только в общежитиях, не знающих государственной и какой бы то ни было принудительной власти.

Одновременное осуществление экономической и политической свободы как раз и является той ближайшей целью, к которой должен стремиться рабочий народ XX века. Программой рабочего класса XX века как раз и является деятельность, направленная к достижению названной цели.

Рабы и полурабы не могут быть счастливы, не могут жить достойной человека жизнью. Без свободы не мыслимо мало-мальски достойное человека существование. Все программы ложны, кроме той, в основу которой положена необходимость немедленного, полного, безусловного осуществления интегральной свободы. Программа и лозунг рабочего люда XX века — это *"Свобода и только Свобода."*

А. А. КАРЕЛИН.

АПОЛЛОН АНДРЕЕВИЧ КАРЕЛИН

(К 90-летию со дня рождения)

Есть люди, пользующиеся незаслуженной известностью, но есть и такие, которые известность вполне заслужили, но тем не менее ею не пользуются. К числу последних принадлежит Аполлон Андреевич Карелин.

О Карелине мы знаем мало, до того мало, что всякий раз, когда приходится говорить о нем, на мысль приходит одна прокламация, расклеенная Карелиным в Нижнем Новгороде в 80 гг. прошлого столетия, состоявшая всего лишь из двух слов: "Долой самодержавие!" Прокламация эта до сих пор считается самой краткой в истории революционного движения. Наши сведения о Карелине мало обширнее этой прокламации. Объясняется это тем, что Карелин не только избегал разговоров о себе, но даже многие свои статьи печатал не подписанными. На первом плане у него стояло общее дело— интересы народа, — личная же жизнь оставалась в тени.

Рождение Карелина почти совпадает по времени с тем моментом, когда Бакунин, бежавший из Сибири, ступил ногой на континент Еворпы. Это очень характерно, ибо Карелин во многих отношениях является продолжением Бакунина. Люди, лично знавшие Карелина, утверждают, что даже своим ростом он напоминал Бакунина.

В течение своей многолетней революционной деятельности Карелину, несомненно, приходилось неоднократно не только слышать, но и самому произносить слова из марша рабочих: "Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой." Сам Карелин по происхождению, однако, не принадлежал к "семье трудовой." Предки Карелина — богатые дворяне, "русские крезы," как их называли. Карелину предстояла блестящая карьера... Но он "от ликующих, праздно болтающих" ушел "в стан погибающих за великое дело любви." Это лишь возвышает

Карелина. Оставить почести и роскошные палаты и надеть вериги — не каждый может. Пожертвовать личным счастьем ради счастья других — могут лишь сильные духом.

Родился Карелин в Петербурге в то время, когда столица, оправившись от позора Крымской кампании, кичилась социальными реформами, и когда по всей необъятной Руси крестьяне твердили:

"Ах ты воля, моя воля,
Золотая ты моя.
Воля сокол поднебесный,
Воля светлая заря."

Вот эта "воля" — не как желание, а как свободная жизнь — послужила для Карелина как бы символом веры. Нет ничего у него, что бы так или иначе не было связано с "волей." Основанные им организации неизменно именуются: "Вольное общество," Вольный союз." Созданные печатные органы: — "Вольная мысль," "Вольное слово." Даже печатное дело, основанное когда-то Карелиным в Париже, называлось "Типографией Вольных Общинников." Волю Карелин просто обожествлял, — подобно крестьянам, называвшим ее то "светлой зарей," то "соколом поднебесным." Уже одно это роднит и связывает Карелина с крестьянством. Из всех анархистов, кажется, никто так близко к крестьянам не подошел, как Карелин. Его слог — нарочито "мужицкий." Карелин писал так, чтобы все было понятно жителю самой захолустной деревни. Он не теоретик, а популяризатор анархического учения. (Подражанием Карелину в Америке можно считать "Азбуку анархизма," написанную А. Беркманом самым общедоступным языком.) Сказка "Как мужик остался без начальства," по всем признакам, написана Карелиным.

Несмотря на то, что Карелин родился в то время, когда такие великаны в русском освободительном движении, как Герцен, Бакунин, Огарев, а также и Чернышевский, уже приближались к закату, но он, благодаря случаю, оказался прямым их преемником. Случай этот заключался в следующем. Родителям Карелина, имевшим дома и поместья во многих местах России, приглянулся один дом в Нижнем Новгороде. Дом купили и вскорости же переселились туда. Это был тот самый дом, в котором перед своим арестом жил Чернышевский. Карелин, конечно, не мог не слышать от соседей, кто такой Чернышевский. Кроме того, в доме каким-то чудом сохранилась часть баблиотеки Чернышевского, а в том числе и некоторые труды Герцена. Молодой Карелин все это с большим увлечением прочитал. И в результате — он революционер, носитель того, о чем говорили Герцен, Чернышевский и др.

Карелину не было полных 18 лет, когда его первый раз арестовали. Произошло это вскорости после убийства Александра II 1-го марта 1881 года. Арестованный Карелин даже жандармам продолжал доказывать, что Перовская не преступница, а великомученица. Преступниками Карелин считал тех, кто прибегает к террору ради личных интересов, а не тех, кто для себя не только ничего не желает, но отдает все, что имеет, в том числе и свою цветущую жизнь. В этом отношении Екатерина II гораздо большая преступница, чем С. Перовская.

Карелин в это время примыкал к народникам. Народничество, впрочем, сохранилось у него на всю жизнь. Даже став анархистом, Карелин не теряет народничества. Из всех анархических течений — ни одно полностью не захватило Карелина. Перекликается он иногда с анархо-синдикалистами, сходится — даже очень часто — с анархо-коммунистами, ступает в ногу временами с индивидуалистами (несмотря на то, что всегда дискуссирует с ними), но в конце концов он остается только анархистом — *анархистом-народником.*

Среди населения всех стран есть люди (иногда нигде не учившиеся), обладающие талантом рассказывать сказки. (Кто из нас, вспоминая о раннем детстве, не воскресит в своей памяти таких людей?) К подобным людям принадлежал Карелин. Но он рассказывал не сказки, а излагал самые сложные вопросы, но так ясно и просто, что казалось — сказку говорит. Число слушателей у Карелина, поэтому, всегда было велико. В этом отношении он до некоторой степени напоминает Сократа...

Пишущему эти строки не посчастливилось лично видеть Карелина, но случалось иногда читать письма тех лиц, которые были близки к Карелину и работали вместе с ним. В письмах этих, коль скоро заходила речь о каком-либо важном вопросе, неизменно значилось: "А что скажет на это старик?" (Так называли Карелина в тесном кругу друзей.) Мнение "старика," как видно, считалось авторитетом. Один из многолетних соратников Карелина — И. Хархардин — говорит, что когда бы он ни заходил к Карелину,—всегда заставал там много посетителей, — людей самых различных положений, начиная от

профессоров и кончая простыми фабричными рабочими. Каждому из них Карелин знал, что сказать. Насколько велико было влияние Карелина на окружающих, свидетельствует следующий случай. Одну из своих ссылок Карелину пришлосьь отбывать на далеком севере среди сектантов-поморян. Речи Карелина о том, что жизнь была бы интересна и прекрасна, если бы правящие классы ее не искажали, до того понравилась поморянам, что когда им нужно было избирать духовного вождя, — они хотели, чтобы эту должность занял Карелин. Карелин не только отказался от этого, но так вразумительно объяснил, что такое вождь, что поморяне решили остаться без вождя.

Значительную часть своей жизни Карелин провел в тюрьмах и ссылке. Его "Записки из мертвого дома" (он мечтал их написать) по размеру превзошли бы записки Достоевского. Лишь в 1905 г. Карелину удалось бежать из Сибири заграницу. Поселившись в Париже, он открыл сильный огонь по царской династии. В организованной им типографии в огромном количестве печатались книги, брошюры, листовки — и все это нелегальным путем отправлялось в Россию. Здесь Карелин, как говорится ,совершенно забывал о себе. Он весь ушел в работу. О том, насколько интенсивной была его работа, можно судить хотя бы по томо, что в 24 номерах "Голос Труда," издавшеогся в Соедин. Штатах, было напечатано около 150 статей Карелина. Писал же Карелин не только для "Голос Труда," но и для других изданий. Писал он под разными псевдонимами, а иногда, как отмечено выше, и вовсе не подписывал своих статей. Карелин мог одновременно редактировать несколько изданий, выходящих в разных частях света. Писал он на разные темы, но больше всего по вопросам, связанным с народным хозяйством. Трудная и сухая политическая экономия под пером Карелина становилась понятной даже мало образованному человеку. Его "Краткий курс политической экономии" читается так же легко, как Рубакина "Письма о самообразовании." К сожалению, лишь незначительная часть из того, что написал Карелин о народном хозяйстве, увидела свет. Его главная работа в этой области — 3-х томный курс политической экономии — осталась не напечатанной. Будем надеяться, что когда-нибудь этот труд будет издан.

Падение дома Романовых открыло Карелину путь в Россию. По приезде в Петроград, он сразу приступил к созданию большой анархической газеты. Затем Карелин много работал в деле создания Всероссийской Федерации Анархистов. Как известно, весна русской революции продолжалась недолго. Скоро наступили лютые морозы, сковавшие все то, что начинало расцветать. Захват власти большевиками оказался для Карелина двойной драмой. В силу специфических условий, он не мог открыто выступить против сов. правительства, но в то же время не мог и одобрить его. Только в тесном кругу своих друзей Карелин открыто говорил о большевиках то, что думал о них. Публично же ему в большинстве случаев приходилось отделываться молчанием или же идти на сделки со своей совестью. Для человека принципиальной честности это — высшая степень страданий. "Если бы не старость и не болезнь, — писал он одному из своих единомышленников в Америке, — предпочел бы я сибирскую тайгу..." Карелин умер на восьмом году царствования большевиков. Доживи он до наших дней, — возможно, не выдержал бы: наградил бы большевиков такими же эпитетами, какими он награждал царских сатрапов.

***

В произведениях великих людей не трудно отыскать такое слово, в котором, как в капле воды, отражается мировоззрение этих людей. У Толстого таким словом является "любовь," у Прудона — "справедливость," у Штирнера — "я," у Кропоткина — "альтруизм," а у Карединa, как уже было отмечено выше, — "воля." Интересно поэтому послушать, что говорит Карелин о своей "воле." Речь идет о вольном городе, при чем слово "вольный" Карелин всегда пишет с большой буквы, как бы подчеркивая исключительное его значение:

"Мы знаем, — говорит он, — что общественная жизнь складывается в зависимости од работы на удовлетворение материальных и нематериальных потребностей человечества. В строительство этой жизни зачастую врывается правительственный приказ, поддерживаемый более или менее грубым насилием. Тогда проявления жизни уродуются: она складывается под влиянием приказа не так, как сложилась бы при естественном ходе дел.

"В Вольном городе приказа нет. Нет и той силы, которая дает одним людям возможность приказывать другим. Здесь люди сами устраивают свои дела, никому не поручая их. Сами себя люди Вольного города не обманут, сами себя не будут эксплоатировать. Сами люди сумеют делать лучше кого-либо за них старающихся. особенно лучше чиновников, воображающих, что они все умеют делать, а в сущности никогда ничего хороше-

го и умного не делающих. (Писалось это уже при сов. власти, поэтому не трудно догадаться, кого Карелин имеет в виду, говоря о вторжении чиновников в частную жизнь.—А.)

"Люди, сами устраивающие свои дела, всегда живут лучше людей, дела которых устраивают чужие люди, хотя бы этими и были начальниши, желающие облагодетельствовать своих подданных. Во всяком случае, люди имеют право устраивать свои дела так, как хотят, и если это право отнимается у них начальниками или чиновниками, то во всяком случае к большей невыгоде подданных.

"Самоустройство, самоуправление в самом широком смысле этого слова, считается нами основным устоем Вольного города. Вторым его устоем... является полная свобода всех граждан и любого гражданина... Вольный город не боится свободы своих граждан, как боятся все государства. Каждый гражданин может говорить и печатать в Вольном городе все, что хочет. Все жители могут устраивать какие им угодно собрания и союзы. В Вольном городе свобода не знает ограничений, потому что является действительной, не мнимой только свободой.

"Третьим устоем нового общежития явится единение, содружество, артельность, согласие, взаимопомощь и величайшая терпимость. Наконец, безвластие. Это — четвертый, едва-ли не важнейший устой Вольного города...

"Кто войдет в Вольной город для того, чтобы жить и работать в нем, тот тем самым получит все права и будет, если пожелает, участвовать в обсуждении и решении всех общественных дел. Выход или отъезд из города, так же как и въезд в город, будут совершенно свободными.

"Только с того времени, когда будут взяты в общее достояние все земли, все источники сырых материалов, весь торговый, промышленный, перевозочный, ссудный и прокатный материал, когда будут переданы в общее достояние все средства лечения... когда исчезнет обирающее народ и его порабощающее начальство, — люди по своему почину, не дожидаясь властных распоряжений, будут устраивать жизнь... на вольных коммунистических началах...

"Все дела жители Вольного города делают так, как сами желают и могут их делать, при чем обычное и вольное договорное право такого города не допустит угнетения и эксплоатации человека человеком. Если потребуется выполнить какое-либо дело, то его могут обсуждать все заинтересованные в нем люди, все они могут принять участие в решении вопроса, делать или не делать этого и как именно делать... Общеполитические вопросы будут рассматриваться на сходках квартирантов больших домов, на сходках жителей улиц, на сходках больших и небольших районов и, наконец, на сходе жителей всего города... В городе будут существовать всевозможные организации и учреждения... Будут разные союзы, федерации, всевозможные общества, в том числе и ученые, братства, лиги, клубы, гильдии, артели, коммуны, содружества, кооперативы, корпорации, всевозможные объединения — школьные, библиотечные, театральные, фабричные, заводские, ремесленные, домовые, издательские, учительские и прочие. Люди будут организовываться, как могут и как хотят. Каждая организация будет обсуждать и решать на сходе своих членов все свои дела, а если дела будут затрагивать интересы всего города, то они будут обсуждаться на сходах горожан. Сходы производителей будут обсуждать вопросы, относящиеся к производству, а сходы потребителей будут обсуждать вопросы о распределении и о заказах продуктов, сходы специалистов — вопросы, относящиеся к их специальности... В случае разногласия... обе стороны поступают, как им кажется лучше. Вольному—воля. Тем не менее, желательным считается соглашение всех членов схода...

"Каждый будет трудиться по мере своих сил и способностей столько часов в неделю, сколько и каждый другой гражданин, и каждый получит нужные ему продукты, никого не обездоливая захватом излишнего... Вольный город, организуя производство и распределение продуктов, не затронет сферы индивидуальной жизни, не навяжет свободной личности каких-либо принудительных норм." (А. Карелин: "Что такое Анархия?")

**
*

"Вольному — воля" — лейтмотив Карелина. Кроме "вольности," в вышеприведенной цитате почти в каждой строчке чувствуется присущее Карелину чувство "народности." У Карелина почти не встречаются такие слова, как "пролетариат," "классовая борьба," "митинг," "манифест" и т. п. Даже слово "коммуна" редко встречается. Зато часто повторяются: "сход," вече," "артель," сговор" и т. п. Слова — "рабочий класс" или же "трудящиеся" Карелин почти всегда заменяет словами: "народ," "население," "человечество," "граждане" (последнее — дань октябрьскому перевороту). Следует-ли это считать заслугой Карелина, — мы в данном случае говорить не будем. Нам хотелось лишь указать на это, как на неоспоримый факт.

Карелин принадлежит к числу тех людей, на которых приходится смотреть не только как на революционеров, но и как на подвижников. Ради революции, ради блага человечества он отдал все, что только мог. Уже одного этого вполне достаточно для того, чтобы свести на нет все пятнышки, если бы таковые у Карелина оказались. Кто из нас, читая "Подпольную Россию" Степняка-Кравчинского, не восхищался теми светлыми образами, которые даны на страницах этой книги? Карелин — один из этих образов. Он — идеалист в лучшем смысле этого слова.

**
*

Вспомнить о Карелине особенно уместно в наше время, когда везде чувствуется апатия, мелочность, развинченность, усталость и даже разочарование. "Мы уже достаточно поработали — пусть теперь молодые работают." Подобные слова среди некоторых на-

ших товарищей — не редкость в наше время. Карелин никогда не произнес бы таких слов, как не произнесли бы их ни Кропоткин, ни Бакунин, ни Прудон, ни Грав, ни Реклю, ни Маластета, ни Толстой, ни Эмма Гольдман. Все они (за исключением, быть может, Прудона) прожили на свете больше нас, все они возложили на алтарь анархизма гораздо больше, чем мы, но никто из них даже не намекнул: "Я уже довольно поработал..." Кропоткин, по словам сиделки, уже умирая, продолжал излагать планы свободного общественного строя. Фраза Бакунина: "разломать старческие кости" (т.е. принять самое горячее участие в событиях, несмотря на свой возраст) — стала классической. Карелин до последних дней своей жизни безропотно выполнял всякую работу, если только эта работа шла на благо идеала. Ни от каких поручений не отказывался. Карелин в этом отношении — исключение среди анархистов. Не только написать статью или выступить с речью на митинге, но и выполнить техническую работу — у Карелина всегда оказывалось время, силы и возможность. По рассказам очевидцев, Карелин иногда получал до 30 писем в день. И ни одно из них не оставалось без ответа. На каждое письмо он отвечал, по каждому случаю хлопотал... А хлопотать, принимая во внимание звериный характер сов. власти, было нелегко. Здесь Карелин сходится с другим великим русским человеком — Владимиром Галактионовичем Короленко, тоже значительную часть своей жизни посвятившим хлопотам и заботам за попавших в беду.

Карелин строго следовал заветам Ницше: "Где стоишь, — там и копай лопатой." Он "копал"... "Копал" везде и всегда не ради личной пользы, а ради тех идей, которые он исповедывал. Вспоминая о Карелине, каждый из нас, казалось бы, должен был бы устыдиться своих намеков на усталость, должен был бы сказать: "как *мало* для торжества анархизма я сделал по сравнению с другими, нужно поспешить хоть что-нибудь еще сделать, ибо жить осталось уже немного." Увы, мы этого не говорим, наоборот, думаем, что сделали много, чувствуем, что устали, постарели, разочаровались и т. д. А мыслима ли старость в области идейной деятельности? Об этом никто не задумывается. Не задумывается также над тем, что такое разочарование. А следовало бы... Кропоткин прожил почти восемь десятков лет, но если бы он прожил еще столько же, то и тогда не заявил бы, что разочаровался, равно как не признался перед своей дамой сердца — Анархией, что он старик. Не заявил бы этого ни Бакунин, ни Карелин, ни все другие *настоящие* анархисты. Почему? Потому что они хорошо знали, что такое анархизм. Разочароваться может лишь тот, кто не знает идеала, но думает, что знает. Есть идеал, но есть и *иллюзия* идеала. Разочаровавшиеся анархисты знали не анархизм, а иллюзию анархизма. Иллюзия рассеялась — вот и разочарование...

Конечно, можно сказать, что мы не Кропоткины и не Карелины. Совершенно верно. Мы не можем делать то, что делал Кропоткин или же Карелин. Но дело не в том, *сколько* мы сделаем или *как* мы сделаем, а в том, что мы *что-то* делаем. По способностям... Бывает иногда, что маленькая работа не уступает большой. Библейская вдова, положившая на жертвенник всего лишь несколько лепешек (по всей вероятности, не вкусных, ибо из чего бы она могла спечь вкусные лепешки?) оказалась не хуже тех, кто клал дары, оценивавшиеся тысячами. Не количество, не внешний размер играют главную роль. Роль эту играют те чувства, с которыми человек совершает свое дело. Одно слово, сказанное в защиту анархизма (если оно сказано с толком и искренним убеждением в свою правоту), так же дорого, как и десятки слов. Положительной следует считать не только защиту анархизма от нападок (ценность такой работы сама собой очевидна), положительной будет и та работа, которая ведется по линии изучения и уяснения анархического учения. Чем лучше мы будем знать анархизм, тем меньше будет шансов для уныния и разочарования. Отсутствие точных знаний —опаснейший враг идейной устойчивости.

Бывает, впрочем, иногда и наоборот. Бывает иногда, что знание выдвигается в качестве фактора, исключающего идеал. Был, например, такой случай. Один наш товарищ активно работал в организациях до тех пор, пока не попал в вечернюю школу и не изучил там русскую грамматику. Знания грамматики оказалось достаточно для того, чтобы перестать быть анархистом. "Пусть дураки верят в анархизм" — говорил впоследствии этот товарищ, постригшийся под ёжик и надевший русский стоячий воротничек (приметы ученности, по его понятиям). По этой "теории" выходит, что анархистом может быть только тот, кто ничего не знает. Нечего и говорить, что в лице Карелина мы имеем точное и правдивое опровержение этой "теории." (Мы уже не говорим о Кропоткине —ученом с мировым именем.) Карелин был

всесторонне образованным человеком. Он хорошо знал не только социальные науки, но и многие прикладные. Он мог бы быть одним из лучших русских адвокатов. Мог бы также быть врачем или занять профессорскую кафедру. Его познания в области истории были до того обширны, что к нему обращались иногда за советом лучшие историки. Все эти знания ,однако, не помешали ему быть анархистом. Наоборот, они укрепляли в нем веру в неизбежность торжества Анархии. Карелин смотрел на государство, как на явление временное, появившееся сравнительно недавно. Люди, по заявлению Карелина, долгое время жили без власти, — будут они опять жить без нее.

Уходят от анархизма, как видно, только ничего незнающие или же думающие, что они что-то знают, но в сущности тоже ничего незнающие.

Будем же больше изучать наш идеал, а также жизнь и деятельность таких людей, как Карелин. Будем изучать... и нам станет стыдно за свое нытье и хныканье.

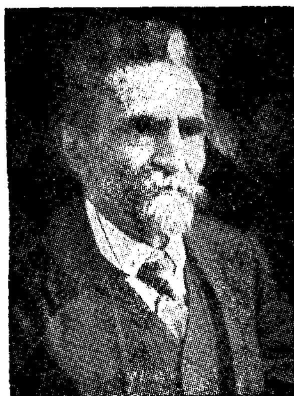
***

Мы ничего не сказали об одной великой заслуге Карелина: его героической борьбе против смертной казни. В то время, как большевики миллионами казнят не-большевиков, а не-большевики ждут не дождутся того момента, когда они начнут тоже миллионами казнить большевиков, голос Карелина *против смертной казни*—единственная светлая точка на фоне всеобщего кошмара. Интересующихся этим вопросом отсылаем к брошюре Карелина "Смертная Казнь," которую можно получить в редакции "ДТП."

Автономов.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА О РЕВОЛЮЦИИ*

"...Как часто нужно повторять, что мы никому ничего навязывать не хотим, не считая ни возможным, ни желательным осчастливить других посредством насилия и стремясь лишь к тому, чтобы никто не навязывал нам свою волю, чтобы никто не был в состоянии навязывать другим формы социальной жизни, не воспринятой добровольно?

Эррико Малатеста

"Мы являемся подлинными эволюционистами, поскольку мы хотим завоевать для человеческого общества условия свободного развития и стремления, разрушить органы насилия и эксплуатации, которые, удушая всякое свободное проявление как индивидуальной, так и коллективной инициативы, стоят на пути естественного развития, задерживая его и вредя ему в интересах тех, которые достигли, в процессе истории власти и социальных богатств."

"Но мы думаем, что *насильственно навязанный коммунизм* окажется самой ненавистной *тиранией,* которую только можно себе представить; он вызовет упадок свободного духа и закончится возвратом к буржуазному индивидуализму."

"Что мы хотим провести насильственно — это экспроприацию орудий производства, лишающую владельцев имущества и тем самым вынуждающую их работать; а также, естественно — разрушение аппарата государственного насилия, без чего и экспроприация и следующее за ней социальное переустройство в пользу всех, соответственно многообразным и изменяющимся желаниям его участников, будут невозможны."

"Когда правительство низвергнуто, когда орудия производства находятся в руках рабочих, когда исключена возможность появления нового правительства, навязывающего новые законы, создающие новый привилегированный класс, — тогда революция станет развиваться, следуя по пути, намеченному практической необходимостью, который будет постепенно видоизменяться посредством свободного эксперимента. Тогда революция даст немедленно то, что она может, т. е. то, что массы (включая работников умственного труда, пропагандистов, технических специалистов и т. д.) будут в состоянии осуществить при системе широ-

---

* Выдержки из статей, приведенные в книге М. Неттлау: "Эррико Малатеста. Жизнь анархиста."

чайшего федерализма, как в топографическом смысле, так и в отношении разделения функций."

***

"...Угрожающие революции опасности происходят не только со стороны реакционеров, призывающих иностранное вмешательство, составляющих заговоры для восстановления старого порядка; они заключаются, главным образом, в возможности вырождения революции; они исходят из среды *революционеров сегодняшнего и вчерашнего дня,* сохраняющих в себе буржуазное мышление и чувство, готовых свернуть революцию с пути *равенства и свободы* на совершенно другую дорогу."

"Если думают, что рабочий клас неспособен противостоять реакционерам, бывшим буржуа, без помощи диктатуры, которая как бы она ни называлась, неизбежно обратится в военную диктатуру, в таком случае нужно согласиться с тем, что пролетариат не будет в состоянии противостоять захвату власти и вытекающим отсюда реакционным последствиям. В таком случае можно сказать: 'Революция, прощай!'... Если пролетариат позволит набросить на себя *ярмо диктатуры и обманчивой надежды,* что она будет служить его интересам, то с ним случится то же самое, как с лошадью в басне: она, однажды, чтобы лучше преследовать оленя, позволила человеку оседлать и взнуздать себя... и с того дня стала рабыней человека. Диктатура началась бы с образования вооруженной организации, готовой к ее услугам, могущей также служить против возможных нападений и поползновений реакции; но главной задачей ее будет *насильно навязывать волю диктаторов,* предоставив таким образом возможность удержаться им у власти более или менее продолжительное время. Она доверит все общественные функции людям, которые будут ей *покорно служить,* она предоставит своим друзьям привилегированные места и создаст *кадры профессиональных солдат и чиновников,* которые будут поддерживать правительство, состоящее из людей, не имеющих в себе нечего революционного. *Большие оклады, прибыльные места, государственная служба, связанная с большими доходами* — все это поведет к восстановлению индивидуальной собственности... итак, мы окажемся опять у исходного пункта."

***

"...Мы, анархисты, желаем, чтобы рабочие каждой местности, точнее наиболее сознательная часть рабочих, проникнутых духом инициативы, обладали бы всеми орудиями производства, всеми богатствами — землей, сырьем, домами, машинами, средствами питания и т. д. и, по мере возможности, проложили бы дорогу новым формам социальной жизни. Мы хотим, чтобы крестьяне, работающие теперь на помещика, отказали в признании за ними такого права и интенсивно работали бы для своих интересов, связавшись с индустриальными и транспортными рабочими для обмена продуктов. Мы хотим, чтобы индустриальные рабочие, до инженеров и техников включительно, овладели фабриками и продолжали бы интенсивно работать для усиления производства предметов широкого потребления; чтобы рабочие безостановочно продолжали бы работать на железных дорогах в пользу общества; чтобы комитеты из добровольцев и выборных, под непосредственным контролем массы, овладели бы всеми домами и, насколько позволяет момент, удовлетворили бы всех не имеющих крова; чтобы другие комитеты, опять таки под непосредственным контролем массы, заботились бы о снабжении продовольствием и распределением, поставив буржуазию перед необходимостью слиться с массой и, работая, довольствоваться теми же благами как и другие. И все это надо сделать быстро, в день победного восстания или же на другое утро, не ожидая приказов из центральных комитетов или каких бы то ни было других авторитарных источников...

***

"...Допустим, что монархия пала. Армия не оказывает сопротивления или братается

Редакционная Коллегия "ДТП" поздравляет всех своих друзей, читателей и подписчиков с наступающим НОВЫМ ГОДОМ и желает им всем доброго здоровья и сил в борьбе за лучшее будущее всего мира.

Поддерживайте и распространяйте единственный печатный орган свободной мысли на русском языке!

Жертвуйте на "Дело Труда-Пробуждение"!

с народом; полиция рассеялась; правительство, включая короля, низвергнуто, или бежало."

"Излишне останавливаться здесь на том, как может начаться и развиваться движение путем ли вооруженных схваток с защитниками государства или посредством захвата рабочими фабрик и т. д., благодаря чему вооруженное столкновение отступает на второй план."

"Правительство пало! Что делать?"

"После низвержения монархии, когда исчезнут полицейские институты, когда армия разбежится, мы не признаем никакой новой власти, особенно центрального правительства, притязающего на управление и регулирование движением. Мы предложим рабочим овладеть всеми недрами и поверхностью земли, фабриками, железными дорогами, пароходами, одним словом, всеми орудиями производства с тем, чтобы как можно скорее поставить его на новых началах; уничтожить, раз и навсегда, вредную и бесполезную работу; временно приостановить выделку предметов роскоши; приложить максимальные усилия к производству предметов питания и широкого потребления. Мы предложим рабочим собрать все имеющиеся продукты с целью их экономного расходования, соответственно возможностям данного момента, организовав как местное потребление, так и обмен с дальними и ближними местами на основах справедливости. Мы постараемся, чтобы никто не остался без крова, воспользовавшись пустыми и малонаселенными домами; каждый будет иметь жилое помещение, соответственно плотности населения. Мы поспешим разрушить банки, биржи и все, чем держится государственная власть и капиталистические привилегии; мы постараемся создать такой порядок вещей, при котором немыслимо будет восстановление буржуазного общества."

"Все сказанное и прочее, необходимое как для удовлетворения общих потребностей, так и для развития революции, будет совершаться добровольно, посредством всякого рода комитетов, социальная жизнь будет координироваться местными городскими, областными и национальными конгрессами, осуществляющими свои решения на договорных началах, не имея, однако, ни права, ни возможности навязывать свою волю посредством насилия; они найдут поддержку лишь в деятельности, соответствующей нуждам момента и пользе участников."

"Прежде всего, никаких жандармов, каким бы именем они ни прикрывались! Только добровольная милиция, не вмешивающаяся в гражданскую жизнь, создаваемая на случай отпора вооруженному выступлению реакционеров или нападению тех стран, которые еще не захвачены революцией."

"На практике эти мероприятия, конечно, подвергнутся изменениям, так как анархисты, не составляя большинства населения, не станут, если бы и могли, навязывать силой свои идеи. Уважая волю других, стремясь к мирному сожительству, анархисты, во всяком случае, потребуют себе полную свободу пропаганды и эксперимента."

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ МАЛАТЕСТЫ *

Малатеста — один из лучших современных теоретиков анархизма, человек, труды которого, если собрать, могут составить целые томы и служить нам для ориентации в нашей борьбе на много лет.

Никто, как он, так ясно и метко не установил и не оценил тактические методы борьбы в разрушетельной и созидательной работе. Малатеста всегда умел проникнуть в глубину жизненно-трепещущих вопросов революции.

Интересно, между прочим, подчеркнуть, что на вид Малатеста был наименее ученым из наших писателей. Во всяком случае, он менее всего выставлял себя ученым. Он не был ни ученым, ни философом, и смотрел с недоверием на тех и других, когда они старались определить на основании своих научных изысканий положение человека в обществе и в мире.

Научность Кропоткина была ему не по духу. И он часто кртиковал ее в весьма основательных статьях, особенно же соображения, высказанные Кропоткиным в его труде "Современная Наука и Анархия," о том, что наши идеи возникают по теории механической эволюции, т. е. из наименее сознательного исторического фактора.

"Для нас, — писал Малатеста, — главный фактор, устанавливающий исторический смысл, это — человеческая воля."

Это воззрение ориентировало его всю жизнь. Помню анекдот, который мне рассказал Фабри о Малатесте. "Учеником, влюбленным в свою науку, я послал статью, в которой утверждал, что религия и церковь

* К 100-летию со дня рождения.—РЕД.

должны неизбежно исчезнуть потому, что наука доказала их несостоятельность. И наоборот, что анархия неизбежна по другим причинам, так же научным."

Малатеста статью не напечатал, а позвал Фабри, дискуссия с которым продолжалась целый день, и изменила весь образ его мышления.

"Представьте себе, например, — говорил Малатеста, — что будет доказано, что есть существо сверх-естественное, необыкновенное, называемое богом, или творцом всего живущего. Ты бы его уважал, так как научно было доказано его существование. Но я сказал-бы: уважаемый господин, мне очень приятно познакомиться с вами, но... я— анархист!"

Идеи анархиста, его активность и действия должны быть плодами человеческого сознания и сердца. Меняются научные теории; философские концепции опровергаются, приходят и уходят, но неопровержимым остается то, что насилие человека над человеком — плохо и что экономическая организация, которая не принимает во внимание нужд людей, должна быть изменена.

Малатеста утверждал, что человеческая воля творит историю и отрицал так называемый научный детерминизм, прямое отрицание анархии.

По его мнению, коммунизм должен быть прежде всего в чувствах, а потом в вещах. "Живешь в коммунизме, поскольку это нравится." И общество должно быть "коммунистическим больше по духу, чем в конкретных формах организации."

Если он не создавал научной теории, то еще менее он учил чему-либо абстрактному. Человек активной жизни, он рассуждал о совершившихся и предстоящих событиях, согласно природе людей и вещей. Вот почему его образ мышления никогда не ослабевал. Относительно революционного строительства он изложил идеи и взгляды, к которым мало чего можно прибавить.

"Мы должны бороться, чтобы революция направлялась по руслу свободного коммунизма, а если мы этого не достигнем, то мы начнем снова."

Подобные рассуждения были свойственны Малатесте потому, что они базировались на конкретном понимании событий.

Гастон Леваль.

ВЗАИМОПОМОЩЬ, КАК ОСНОВА ЖИЗНИ

В настоящее время, когда человечество находится в периоде ожесточенной борьбы народов, выразившейся в двух страшных мировых войнах, легко забывается, что основой жизни все-таки является не борьба индивидуальная, не борьба классовая, не война гражданская и не война международная, а взаимопомощь и кооперация. Мы, конечно, не отрицаем наличности борьбы индивидуальной, выражающейся, между прочим, в конкуренции, борьбы классовой, которая часто ведет к революции, но считаем эту борьбу главным фактором прогрессивного развития человечества. Перефразируя русскую поговорку: "мир лежит во зле, но держится добром," мы можем сказать, что мир находится в борьбе, но держится и не гибнет оттого, что существует сильный закон взаимопомощи, выразившийся в последнее время в форме кооперативной организации. Придавая большое значение фактору взаимопомощи и закону солидарности, мы следуем учению не только профессора Шарля Жида, но и учению нашего знаменитого соотечественника князя П. А. Кропоткина, который, живя в эмиграции в Швейцарии и Англии, написал около 40 лет тому назад свою замечательную книгу: "Взаимопомощь, как фактор эволюции."

"Едва только мы начинаем изучать животных," — пишет П. Кропоткин, — "не в одних лишь лабораториях и музеях, но также в лесу, на лугах, в степях и в горных странах, — как тотчас же мы замечаем, что хотя между различными видами, и в особенности между различными классами животных, ведется в чрезвычайно обширных размерах борьба и истребление, — в то же самое время, в таких, или даже в еще больших размерах, наблюдается взаимная поддержка, взаимная помощь и взаимная защита среди животных, принадлежащих к одному и тому же виду или, по крайней мере, к тому же сообществу. Общественность является таким законом природы, как и взаимная борьба. Конечно, чрезвычайно затруднительно было бы определить, хотя бы приблизительно, относительное числовое значение обоих этих разрядов явлений. Но если прибегнуть к косвенной проверке и спросить природу: 'Кто же оказывается более приспособленным: те ли, кто постоянно ведут борьбу друг с другом, или же, напротив, те, кто поддерживает друг друга?' — то мы тотчас увидим, что те животные, которые приобрели привычки взаимной помощи, оказываются, без всякого сомнения, наиболее приспособленными. У них больше шансов выжить, и единично, и как виду, и они достигают в своих соответствующих классах (насекомых, птиц, млекопитающих) наивысшего развития ума и телесной организации. Если же принять во внимание бесчисленные факты, которые все говорят в пользу этого взгляда, то с уверенностью можно сказать, что взаимная помощь представляет такой же закон животной жизни, как и взаимная борьба. Более

того. Как фактор эволюции, т. е. как условия развития вообще, — она, по всей вероятности, имеет гораздо большее значение, чем взаимная борьба, потому что способствует развитию таких привычек и свойств, которые обеспечивают поддержание и дальнейшее развитие вида, при наибольшем благосостоянии и наслаждении жизнью для каждой отдельной особи, и в это же время, при наименьшей бесполезной растрате ею энергии, сил."

Это обобщение, имеющее одинаковое значение для всего мира животной жизни, в том числе и для человека, П. А. Кропоткин проверяет затем на огромном количестве фактов, начиная свой обзор с низших представителей животного царства. Он рассказывает нам о том, как жуки-могильщики соединяют свои силы для того, чтобы зарыть сообща труп мыши или птички, которым должны питаться их личинки, и как молуккские крабы напрягали все свои силы на то, чтобы помочь своему товарищу выйти из неудобного положения; он утверждает, что фактами подобной взаимной поддержки полна жизнь множества низших животных, но нигде, по его мнению, этот принцип взаимной помощи не сыграл такой изумительной роли, как в жизни муравьев и пчел. В самом деле, средства защиты каждого отдельного муравья удивительно слабы: ничтожный рост, незначительные физические силы, отсутствие сильно действующего яда, заметная окраска тела, яйца и куколки, служащие любимой пищей для многих хищников, — все, кажется, соединилось против муравьев, все, кажется, должно было способствовать тому, чтобы самый род муравьев был искоренен раз и навсегда. И, тем не менее, мы видим обратное. В действительности, муравьи являются одним из самых победоносных существ на земном шаре. Чем же может быть объяснено такое кажущееся противоречие с точки зрения борьбы за существование? Только тем, отвечает Кропоткин, что внутри своих сообществ муравьи развили элементы взаимной помощи, можно сказать, до последних возможных пределов. О том, как сообща они осиливают препятствия, непосильные отдельным особям, о том, с каким изумительным мужеством они вступают в битву против общего врага, — вероятно, известно всякому. Гораздо интереснее остановиться на том факте, что практика взаимопомощи пустила в жизни муравьев такие глубокие корни, что оказала во многих случаях влияние даже на самый их организм. Когда голодный муравей встречает сытого товарища из своего гнезда, то он доверчиво подходит к нему и движением усиков сообщает ему о своем голоде или жажде. Этого достаточно, чтобы сытый муравей тотчас же отрыгнул светлую каплю прозрачной жидкости, которая и слизывается его голодным товарищем. Такая практика кормления голодных товарищей и личинок оказывается настолько распространенной среди муравьев, что пищеварительные органы их были вынуждены приспособиться к соответствующим функциям. Их пищеварительные органы, именно, разделены на две части: заднюю, куда поступают питательные вещества для личного пользования каждой особи, и переднюю, где хранятся запасы, которые могут потребоваться для других членов общины.

"Если бы," — говорит Кропоткин, — "какой-нибудь муравей с полным зобиком оказался настолько себялюбивым, что отказал бы в пище товарищу, с ним поступили бы как с врагом, или даже хуже. Если бы отказ был сделан в такое время, когда его сородичи сражаются с каким-либо иным видом муравьев, или с чужим муравейником, они напали бы на своего жадного товарища с большим ожесточением, чем на самих врагов. Но если бы муравей не отказался от другого муравья, принадлежащего к вражескому муравейнику, то сородичи последнего стали бы обращаться с ним, как с другом. Все это подтверждено чрезвычайно точными наблюдениями и опытами, не оставляющими никакого сомнения ни в действительности самих фактов, ни в правильности их истолкования."

В результате — муравьи являются не только одним из могущественных и распространенных существ на земле, но и одним из самых умных насекомых. Стоит только припомнить великолепные постройки муравьев, с их просторными залами, снабженными вентиляцией, с их погребами, наполненными запасами, с коровами-тлями; с их хорошо проложенными дорогами и крытыми галлереями; их хорошо продуманными способами выращивания личинок и т. д., чтобы согласиться с Дарвиным, сказавшим, что мозг муравья "представляет одну из самых чудесных комбинаций материи в мире — может быть, даже более удивительную, чем мозг человека." Многое из того, что только что было сказано о муравьях, вполне приложимо и к пчелам, медоносными запасами которых готово воспользоваться бесчисленное множество представителей животного царства. И здесь опять-таки и сила пчелиного улья, и успехи пчелиных пород среди сложных жизненных отношений, и высокий ум каждой пчелы в отдельности могут быть объяснены исключительно только удивительными формами взаимопомощи, развив-

шимися в общинной жизни этих насекомых.

Разнообразные формы общения, переходящие за пределы семейных отношений и охватывающие часто сотни и тысячи особей, наблюдаются в большом количестве у птиц. Многия птицы собираются огромными стаями для того, чтобы услаждать себя общим полетом, при котором стройно проделывается целый ряд сложных приемов (напр., стаи куличков); другие — для того, чтобы совместными хорами, выступающими поочередно, доставлять друг другу эстетическое наслаждение. Но еще чаще и крепче слагаются птичьи общества в интересах охоты и защиты от нападения хищников. Из охотничьих птичьих сообществ достаточно будет упомянуть хотя бы о пеликанах. Эти крупные птицы питаются рыбой. На рыбную ловлю они отправляются огромными стаями. Облюбовав хорошую бухточку, пеликаны выстраиваются просторной шеренгой от одного берега до другого и затем начинают подвигаться вперед по направлению к суше, ударяя крыльями по воде. Шеренга их становится все теснее и теснее, и испуганной шумом рыбе ничего не остается, как устремиться мелкое место у берега, где она и становится легкой добычей смышленых пеликанов. На реке пеликаны устраивают рыбную ловлю иным способом. Они разделются на два отряда: один шеренгой, перекидывающейся с одного берега на другой, плывет вниз по реке, другой — такой же шеренгой, — навстречу первому, вверх по реке. Таким образом рыба загоняется в узкое пространство, где уже легко вылавливается пеликанами.

Что же касается до организации защиты общими силами, то многочисленными исследователями вне всякого сомнения установлен тот факт, что самые могучие хищники видят себя часто вынужденными отступить перед дружным протестом часто самых слабых птичек. Любопытно наблюдать эти приемы совместной обороны на берегах бесчисленных русских степных озер, заселяемых мириадами птиц разнообразных пород . . .

"Везде жизнь бьет ключем... Но вот и хищники... И вы слышите их голодные, жадные, озлобленные крики, когда они, в продолжение целых часов, выжидают удобного случая, чтобы выхватить из этой массы живых существ хотя бы одну беззащитную особь. Но лишь только они приближаются, как об их появлении возвещают дюжины добровольных часовых и сейчас же сотни чаек и морских ласточек начинают гонять хищников. Обезумев от голода, он, наконец, отбрасывает обычные предосторожности: он внезапно бросается на живую массу птиц; но, атакованный со всех сторон, он снова бывает вынужден отступить. В порыве голоднаго отчаяния, он набрасывается на диких уток; но смышленные общительные птицы быстро собираются в стаю и улетают ,если хищник оказался рыбным орлом; если это сокол, они ныряют в озеро; если же это коршун, — они поднимают облака водяной пыли и приводят хищника в полное замешательство. И в это время, когда жизнь попрежнему кишмя-кишит на озере, хищник улетает с гневными криками и ищет падали или какой-нибудь молоденькой птички или полевой мышки, которые еще не привыкли во время повиноваться предостережениям товарищей. В присутствии всей этой, потоками льющейся жизни, идеально-вооруженному хищнику приходится довольствоваться одними отбросами жизни..."

Такие сильные организации, опасные для всякого рода хищников, представляют собой птичьи сообщества, организуемые в интересах совместного гнездования многими породами птиц. Но особенно любопытными сообществами взаимопомощи являются перелетные стаи. В течение ряда дней, иногда недель, они формируются, поджидая отсталых и запоздавших. Когда стая готова, многочисленными пробными полетами она тренирует себя прежде, чем пуститься в далекий перелет через море. Перед окончательным отлетом она собирается на земле в компактную массу, как бы для того, чтобы выяснить свой решительный шаг. Когда подобное обсуждение закончено, когда указания предыдущего опыта в достаточной степени взвешены, стая снимается и без дальнейших колебаний улетает в одном определенном направлении, при чем наиболее сильные особи занимают ответственные и наиболее трудные места.

(Окончание следует)

Проф. В. Тотомианц

Песня труда

Светает, товарищ! Работать давай.
Работы усиленной требует край.
Работай руками, работай умом, —
Работай без устали ночью и днем.

Не думай, что труд наш бесследно пройдет,
Не бойся, что дум твоих мир не поймет.
Работай лишь с пользой на ниве людей
Да сей только честные мысли на ней.

А там уж что будет, — то будет пускай.
Так ну же! Работать мы дружно давай!
Работать руками, работать умом, —
Работать без устали ночью и днем.

И. ОМУЛЕВСКИЙ.

ПАМЯТИ УМЕРШИХ

Демян Семенович Слаутич

Д. С. Слаутич

11 июня 1953 г. в госпитале г. Нью Кестль, после непродолжительной, но протекавшей в тяжелой форме болезни, умер, на 64 году жизни, Демян Семенович Слаутич.

Слаутич родился в деревне Подброняны, Каменецкой волости, Брестского уезда, Гродненской губернии. Получив лишь начальное образование, но имея жажду к знанию, по приезде в Америку, много времени и энергии уделял самообразованию, чтобы легче разбираться в сложных жизненных вопросах.

Сторонником безвластного движения Д. С. Слаутич стал со времени образования Союза Русских Рабочих, активно участвуя в пропаганде идей анархизма среди выходцев с России, где пользовался общей симпатией и любовью. Распространял журнал "ДТП," оказывая ему материальную и моральную поддержку.

В личной жизни Д. С. Слаутич был весьма скромен, чутким и отзывчивым к другим, сочетая личную жизнь со своими убеждениями.

Являясь последовательным и выдержанным сторонником безвластного движения и атеистом, был, в силу обстоятельств, похоронен по религиозному обряду. Оставив завещание на имя своих дальных родственниц, последние, как люди верующие, похоронили его по религиозному обряду.

Товарищи по идее г. Нью Кестль и окружающих мест, отдав последний долг умершему, на похоронах не присутствовали.

Медынич.

Тимофей Курсмецов

5 ноября 1953 г. в г. Детройте умер на 64 году жизни старый русский колонист Тимофей Курсмецов, уроженец деревни Клубки, Золотовской волости, Камышинского уезда, Саратовской губ. Будучи малоземельным крестьянином и женившись молодым, он приехал в Америку на заработки в 1912 году и поселился сначала в Акроне, Охайо, а в 1919 году переехал в Детройт. Его мечтой было заработать несколько сот долларов, вернуться на родину, прикупить землицы и зажить тихой крестьянской жизнью. Увы! Его чаяниям не суждено было сбыться: грянула мировая бойня, а в ее хаосе и дыме вспыхнула "бескровная," превратившаяся в безмерно кровавую, братоубийственную междоусобицу — гражданскую войну, закончившуюся организованным правительственным террором, именуемым диктатурой, которая свирепствует там и по сей день. Тимофей Курсменцов вынужден был осесть в Америке.

Работал он в автомобильной индустрии, жил трезвой жизнью, занимался самообразованием, состоял членом Кооперативного Общества и 72 отдела РООВА, поддерживал всякие культурные начинания и сочувствовал безвластникам, отзываясь скромной лептой на их нужды. По характеру он был миролюбив и вовсе не походил на дальних предков, возвещавших громовым голосом с волжской ладьи: "Сарынь на кичку!"

На общественных собраниях бывает разно. Иногда страсти до того разгораются, что все спорящие выглядят Каинами: еще два-три крепких словечка и произойдет кулачная баталия... Тимофей Курсмецов невозмутимо улыбался, веселыми глазами взирал на ощетинившихся и, казалось, вот-вот скажет: "Да, ну-те, ребята, на кой леший вы горланите, можно и без сево." Сам он никогда "не брал слова," не проявлял "сваво" ума и не пытался "посадить в галошу" кого-либо из докладчиков, но собеседник он был замечательный, что доказывало его ум, начитанность и культурность. Дружбой он дорожил и, если видел искренность, привязывался. О других он отзывался с легким юмором быстрым великорусским говорком, но в нем не было ядовитой злобы или мстительности. К большевистскому насилию он относился с решительной отрицательностью, кооперировал с анархистами, но близкого или активного участия в движении не принимал, ограничиваясь моральной и материальной поддержкой журнала.

Жил Тимофей Курсмецов на квартире у чужих людей, у которых снимал комнату. Однажды хозяйка, придя убрать комнату, нашла его лежащим на полу, ахнула и побежала через улицу к т. Смальчуку сообщить о странном явлении. Тот пришел,

дотронулся до лежащего и обнаружил холодное тело. По растерянности Смальчук позвал полицию, которая сейчас же явилась, забрала и увезла тело и все вещи покойного.

Выяснилось, что Тимофей Курсмецов, несмотря на свой ум, расторопность и опытность, жил "завтрашним" днем, т. е. сделать завещание все откладывал на завтра, в результате все сбережения покойного (не то 13, не то 18 тысяч долларов) перешли в руки властей, выдавших на похороны 850 д. Русский "авоська" налицо. К довершению всей этой несуразицы Тимофея Курсменцова, жившего человеческой моралью, похоронили с представителями религиозного культа. Да будет сие в назидание другим: завещание каждый из нас должен иметь, пить и есть оно не просит, но зато волю покойника носит.

Похоронили Тимофея Курсмецова 9 ноября на кладбище "Эвергрин." На гроб было возложено 8 венков от друзей 72 отдела РООВА, Кооперативного Общества и Гражданского клуба. Провожать до места вечного упокоения собралось свыше двухсот человек. Моросил мелкий дождик, как бы оплакивающий судьбу покойного, которому в силу сложившихся исторических обстоятельств не довелось почить рядом с отцами под плакучей ивой и белой березкой.

С каждым годом все больше и больше старых русских колонистов уходит в небытие. Провожавшие тело покойного Тимофея Курсмецова грустно переглядывались между собою, переговаривались, иногда спрашивали друг друга с горьким юмором: "Кто же из нас следующий?" А "следующих" много, ибо все почти одного возраста, но никто не знает, когда чей час пробьет. Мир праху твоему, дорогой соотечественник. Да будет тебе земля пухом.

Ф. Коваленко.

Солнечная Флорида зовет Вас навестить

Live Oak Farm, Inc.

ORANGE HOME

Route 1, Box 123

WILDWOOD FLORIDA

Tel. Wildwood 3571

Финансовый Отчет Фонда Памяти Максимова и Бакунинского Издательского Комитета в Чикаго

с 20-го марта 1950 г. по 20-ое августа 1952 г.

ПРИХОД

Пожертвования в Фонд МАКСИМОВА	$1,613.50
Продажа "Конструктивного"	331.65
За клише для Нью Иорка	40.00
ФОНД БАКУНИНА: Баланс	141.57
Русская Группа в Нью Иорке	1,000.00
Подписка на книгу Бакуниа	12.00
Итого	$3,138.72

РАСХОД

Печатание	$ 41.00
Почтовые расходы	83.65
За клише	41.00
Разное	13.64
Итого	$179.29

"КОНСТРУКТИВНЫЙ АНАРХИЗМ"

Переводы	$ 396.00
Редактирование	120.00
Печатание и переплет	606.00
Итого	$1,122.00

КНИГА БАКУНИНА

Редактирование	$ 775.00
Переводы	130.00
Почтовые расходы	13.02
Итого	$ 918.02
Итого расход	$2,219.31
Баланс на руках	$ 919.41

Контрольный комитет:
И. Волков, С. Миллер, Т. Ускович.

Отчет Редакционной Коллегии "ДТП" по "Фонду памяти Г. П. Максимова"

Пожертвования за 1950 и 1952 г.г. $1,449.15

РАСХОД:

Воззвание, листы, конверты, карточки	35.70
Рассылка воззвания	21.00
5 клише (Еленскому)	25.00
Перевод статей	40.00
Переписывание "Учения"	87.00
16 добав. стр. "ДТП" № 33	196.50
2,000 экз. "Мое Соц. Кредо"	160.00
28 авг. 1950 г. Чикаг. Комитету	300.00
5 окт. 1950 г. Чикагскому Комитету	700.00
Итого расход	$1,565.20
Итого перерасход	116.05

Имена жертвователей помечены в № 33, стр. 38; в № 34, стр. 28; в № 35, отдел "письма читателей," стр. 36 и 38.

Библиография
ТЮРЕМНЫЙ РЕЖИМ СССР

Давно уже известно, что тюремный режим царской России отличался жестокостью и суровостью по отношению к политическим заключенным. Особенную свирепость царские опричники проявляли к революционерам-террористам, которых правительство пуще всего боялось. Однако, тюремный режим добольшевистской России не знал инквизиционных ужасов и зверств, проявляемых над заключенными в стране диткатуры над пролетариатом. Утонченные физические и нравственные пытки заключенных — повальное явление во всех тюрьмах, ссылках и концлагерях СССР. Об этом правдиво свидетельствуют многочисленные документы — книги и статьи — бывших заключенных, чудом вырвавшихся из коммунистического ада и повествующих миру о советской инквизиции. К числу таких документов, несомненно, принадлежит недавно вышедшая в издательстве Чехова книга "ТЮРЬМЫ И ССЫЛКИ."

Автор этой книги Р. В. Иванов-Разумник (1878-1946) один из выдающихся русских радикальных мыслителей. По своим социальным идеям он примыкал к "народничеству," т. е. к той идеологии, видными представителями которой были основоположники русской социологической школы: А. Герцен, Н. Чернышевский, П. Лавров и Н. Михайловский. Иванов-Разумник известен в России как историк русской литературы и как автор нескольких книг о русской интеллигенции, о Герцене, Белинском и других писателях. В 1919 г. он был арестован большевистской властью за вымышленное участие в заговоре комитета партии социалистов-революционеров против правительства. То было время разгула красного террора. Сотни и тысячи заподозренных людей были арестованы и расстреляны, как "заложники." Но Иванов-Разумник спасся каким-то чудом. Просидев несколько месяцев в ленинградской и московской тюрьмах, он был выпущен на свободу.

В 1933 г. Иванов-Разумник был вторично арестован и после того, как просидел 8 месяцев в "одиночке" в ленинградской тюрьме, он был сослан на поселение в Сибирь. Спустя некоторое время, ему было разрешено поселиться в Саратове, где он провел 4 года. А в сентябре 1937 г. он был опять арестован и просидел в Бутырке и на Лубянке (главные московские тюрьмы) 21 месяц.

В своей книге "Тюрьмы и ссылки," содержащей 412 страниц, Иванов-Разумник ярко и талантливо изображает советский тюремный режим с его зверским и аморальным отношением к человеку. Автор сам был свидетелем того, как многих арестованных, с которыми ему пришлось в разное время сидеть в московской и ленинградской тюрьмах, пытали и мучили на допросах в течение нескольких суток подряд. В большинстве случаев допросы арестованных происходили ночью с очевидной целью вынудить у них "признание" в вымышленном преступлении. Их били палками и нагайками по всему телу, выкручивали руки и пальцы, ломали ребра, плевали в лицо и обливали голову мочей. Многие из мучеников не выдерживали истязаний и признавались в предписанных им преступлениях. Другие же совершенно отказывались от допросов и признаний. Таких "упрямцев" инквизиторы-садисты замучивали на смерть.

Среди сотен и тысяч заключенных, просидевших в разных советских тюрьмах много лет и на собственном теле испытавших ужасы тюремного режима, были некоторые счастливцы, которые после продолжительного срока заключения освобождались из тюрьмы. Освобожденные присягали и подписывались, что они обязуются никогда и никому — даже самым близким — не рассказывать о том, что они видели, слышали или сами пережили в тюрьме за время своего заключения. В противном случае они вновь арестовывались и карались по советскому закону пожизненной тюрьмой или казнью. Нужно ли здесь еще лучшее доказательство того, что заключенные в советских тюрьмах подвергаются избиениям и мучениям коммунистическими палачами?

Книга Иванова-Разумника "Тюрьмы и ссылки" читается с захватывающим интересом, но не без душевного волнения. Перед читателем, как в калейдоскопе, проходит ряд сцен трагической жизни заключенных и ужасов, творимых над ними советскими социалистическими тюремщиками.

Л. Липоткин

ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ

В начале 1918 года, вскоре после большевистского переворота, из России были изгнаны советским правительством несколько сот тысяч русских, главным образом, из богатых, средних и образованных сословий, как "капиталисты и помещики," священники, профессора и писатели; среди них было много военных людей, боровшихся на разных фронтах против большевиков. Число этих изгнанников увеличилось в 1919-1920 годах, во время разгара гражданской войны, когда десятки тысяч русских людей вынуждены были бежать с юга России во Францию, Польшу, Чехословакию и другие славянские страны, а также в США. Это была первая волна русской эммиграции после революции.

Вторая волна эмиграции началась во время и после ужасной европейской войны 1939-1945 годов, когда сотни тысяч русских бежали заграницу и после долгих страданий поселились большей частью во Франции и Америке. Франция всегда была хорошим убежищем для многих эмигрантов, бежавших из своих отечеств, вследствие политических или религиозных преследований. Недаром, должно быть, известный русский писатель А. Герцен, сам политический эмигрант, писал еще в середине прошлого века, что "всякий русский интеллигент имеет два отечества: Россию и Францию." Америка, как "страна свободы и неограниченных возможностей," с давних времен привлекает к себе разных людей, ищущих счастья и спокойной жизни.

Несмотря на оторванонсть от родной стихии, русская эмиграция не потеряла веры в свои силы и стала примером энергии и трудолюбия на многих поприщах организационной ,общественной, научной и литературной деятельности. Почти все области науки представлены в эмиграции, и в каждой из них имеются те или иные достижения и труды русских ученых и писателей. Во многих европейских и американских странах долгие годы выходят ежедневные русские газеты, журналы, сборники и другие литературные издания. В Нью Иорке—большом центре русской эмиграции—имеется наибольшее число русских газет, журналов, книгоиздательств, библиотек, школ, кооперативов и различ-

ных организаций. Важным книгоиздательством является учрежденное два года тому назад "Издательство имени Чехова," сумевшее за короткое время своего существования выпустить более 40 книг различного содержания: романы, повести, публицистика, история и мемуары. А из периодических журналов надо отметить "Дело Труда-Пробуждение,, — орган Объединеной Федерации Русских Рабочих Организаций, выходящий в течение 28 лет, и "Новый Журнал" литературно-политического направления, издающийся в течение 12 лет под редакцией проф. М. Карповича.

Но русское зарубежье не исчерпывается одними лишь эмигрантами. Русские, выброшенные за пределы своей родины и поселившиеся во многих американских и европейских странах, с течением последних десятилетий превратились в национальные меньшинства, представляющие собою известную силу среди разных народов. В общем за пределами России в настоящее время находится около 8 миллионов русских выходцев, значительное число которых является гражданами новых государств. Они невольно приобрели новые отечества, косвенным образом осуществив в жизни слова поэта Лермонтова, писавшего, что "отечество наше там, где любят нас, где верят нам." Но их материальное и политическое положение в общем незавидно и добрая половина из них при первой возможности возвратилась бы на родину. Но такая возможность может случиться лишь тогда, когда рухнет большевистский диктаторский режим — их главный враг — и в России установится свободный строй жизни.

Л. Л.

Проф. В. Ф. Тотомиянц нуждается в помощи

По просьбе всем известного профессора экономиста и специалиста по кооперации Вотана Фомича Тотомьянца сообщаю, что после тяжелой жизни в Софии, Болгария, ему с семьей удалось выбраться в Италию, где он прожил около двух лет в Риме, добиваясь переезда в США. Вместо Америки он попал в Париж, где жизнь оказалась для него и семьи еще тяжелее.

Из США он получает, и то нерегулярно, помощь от своих друзей-кооператоров, в частности от И. П. Черного из Детройта.

Хотя проф. Тотомьянц и посылает свои статьи в журналы и газеты по кооперативным вопросам, но никакая газета или журнал не платит никакого гонорара...

Профессор в преклонном возрасте, около 78 лет, почти ослеп; писать сам уже не может, машинки не имеет. А диктовать статьи секретарше — надо иметь тоже большие деньги...

Настоящим письмом я обращаюсь к читателям "Дело Труда-Пробуждение" и их друзьям и знакомым, которые заинтересовались бы идеями кооперации, а также обращаюсь к бывшим ученикам проф. Тотомьянца, к его друзьям и знакомым, армянам, русским, украинцам и другим, оказать престарелому профессору материальную поддержку по адресу:

Prof. V. F. Totomianz,
33 Av. General Sarrail,
Paris (16), France.

М. Т. Зароченцев.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ПАРИЖ, Франция. — Уважаемые товарищи! Пишу со стесненным от боли и одновременно радостным сердцем. На днях видела псевдо-исторический фильм "Спартак." Хороший фильм. В связи с забастовкой какое-то особое впечатление. Мужество Спартака, жажда свободы не только для себя лично, но и для всех порабощенных братьев, восстание гладиаторов и... как обычно, переговоры, предательство не дали победы. Книга итальянского автора дает более историческую версию о Спартаке и восстании гладиаторов. Но то и другое свидетельствует, как люди много страдают и как жаждут свободы, а когда восстают, то жертвуют всем, вплоть до жизни.

Теперь людей не бичуют кнутом, разве в тюрьмах и лагерях, но бичуют голодом, не давая достойного существования трудящимся. 18 августа, когда вышли на улицу, первое, что бросилось в глаза на столбцах газет: "Никаких переговоров до возобновления работы..." Меня это потрясло от возмущения и гнева. Так вот каково отношение к людям труда. Без их труда приостанавливается жизнь. Господам положения так трудно понять самые простые вещи. Тяжести жизни не на них падают. Сегодня такая сугубо-буржуазная газета, как "Франс-суар" считает, что "править — это предвидеть" и что Даниель не должен был стучать по столу и прерывать переговоры с забастовщиками.

Последние наши письма были по вопросу о пенсии. Вы прави, что после 65 лет пенсионеры не долго живут. Они не только старики, но инвалиды. Их пожизненные взносы остаются для правительства после их смерти.

Министрам жалования увеличиваются, ведутся колониальные войны, нужны средства... И вот "надо" повысить возраст пенсионеров и квартирную плату на 100%.

До декрета-закона служащие почты могли уйти на пенсию в 55 и 60 лет, а после этого не раньше 57-62 лет и от 62 до 67 лет.

Кажется, достаточно сил отдает человек до 55 и до 60 лет, чтобы после этих лет без изнуряющего труда иметь мизерную жизнь. Прав Кропоткин, что достаточно, если человек работает на коллектив до 50 лет... Все мы хорошо знаем, как с каждым годом, с каждым месяцем становится трудно работать после 50 лет...

И вот новый декрет-закон исподтишка послужил искрой к забастовке государственных служащих почты. Победа или поражение этой забастовки, начавшейся 5 августа имеет огромное значение для трудящихся не только Франции, но и всего мира.

Во имя солидарности к забастовке служащих почты присоединились служащие железных дорог, автобусов, метро, электрических станций, газовых заводов, госпиталей, городских управ, ссудосберегательных касс, металлургических и текстильных фабрик, шахт и т. д. Этот революционный прямой акт трудящихся был неожиданностью для правительства и руководителей центральных синдикатов. Испуганные туристы покидают Францию. "Либертер" от 13 августа считает, что забастовка государственных служащих — замечательное явление, свидетельствующее о большом социальном прогрессе... Июль 1936 г. больше не воспоминание... Это подлинное народное единение наших дней...

Очень интересны цифры, не нуждающиеся в комментариях, приводит буржуазная газета "Франс-Суар" от 7 августа под знаменитым заголовком: "Цифры для понимания забастовки":

Во Франции имеются 18,000 почтово-телеграфо-телефоно контор, которые в целом являются самым большим народным банком Франции.

13,000 миллиардов франков отсылается по переводам ежедневно.

3 миллиона почтовых чеков составляют 477 миллиардов.

В среднем ежедневно бывает 6 миллионов телефонных разговоров.

Французы, в среднем, отправляют 2 миллиарда писем.

Помимо того, в том же номере газеты сообщается, что французская почта имеет 210,000 служащих, из которых более 100,000 получает меньше 30,000 франков в месяц. Начинающие не зарабатывают больше 22,000 фр. Большинство из них живет в меблированных комнатах и платит от 7,000 до 10,000 фр. в месяц. Из всего этого видно, что положение рабочих довольно тяжелое. **А. Ш.**

ЧИКАГО, Илл. — Уважаемые товарищи, посылаю 10 д. за проданные экземляры "ДТП" № 41. **И. Волков**

МАНТЕКА, Калиф. — Уважаемые друзья, посылаю на издание журнала "ДТП" 5 д. Журнал стоит на позиции борьбы с человеческими заблуждениями, с тьмой и несправедливостью, поэтому заслуживает всяческой поддержки со стороны любящих свободу. **С. Р.**

АВОКА, Пенн. — Дорогие друзья, прежде всего шлю вам свой сердечный привет и извиняюсь за долгое молчание. О своей жизни не могу сообщить вам ничего интересного. Два года почти безработничаю: шахты работают 2-3 дня в неделю. В моем возрасте трудно выработать каждый день на тяжелой шахтерской работе. Но жить как-то надо и при теперешней дороговизне. Я работал в шахтах 30 лет и за это время добыл целую гору угля и этим содействовал обогащению хозяев, а сам, как и каждый шахтер, сократил на половину свою жизнь. Если есть адские мучения, так это труд в шахтах. Посылаю вам 5 д. из которых 2 д. в счет подписки и 3 д. в фонд журнала "ДТП." **А. Х—вич.**

ПИТТСБУРГ, Пенн. — Уважаемые товарищи, посылаю 5 д.: 2 д. на издание книги Максимова и 3 д. в фонд журнала. Как и раньше, буду по возможности оказывать помощь в издании журнала. **Н.Р.**

ХАЗЕЛ-ПАРК, Мич. — Уважаемые друзья, при сем прилагаю чек на 5 д. в фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение" и 18 сентов почтовыми марками. **Г. Е.**

ГЭРИ, Инд. — Уваж. товарищи, посылаю в фонд журнала 15 д. Я получил 10 экз. последнего выпуска "ДТП." Распространять журнал здесь очень трудно, т. к. когда-то читавшие русские колонисты перестали интересоваться чтением и забыли о всяком прогрессе. **И. Х.**

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ. — Дорогие друзья, благодарим вас за присылку двух пачек книг, за которые посылаем вам 23 доллара. Благодаря хорошей упаковке пачки оказались не порваны и книги не повреждены.

Книги очень интересны, так как в них освещаются вопросы о существующем политическом и экономическом неравенстве в этом мире и указывается правильный путь к освобождению угнетенных и оскробленных. Дух гуманизма и любви ко всем людям проходит красной нитью по всем строкам каждой книги. В общем книги имеют хороший воспитательный характер для читателя. **Чучков.**

НОРВЕГИЯ. — Здравствуйте дорогие товарищи "делотрудовцы"! Желаю вам живой плодотворной работы и шлю большое сердечное спасибо за присланную книгу Неттлау "Очерки по истории анархических идей," которая дает очень много хорошего для мышления, особенно из статей по социальным вопросам. **И. Сосновский**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Уважаемые товарищи, посылаю на журнал "ДТП" 5 дол. Выпуск № 42 получен нами. Содержание журнала удовлетворительно и журнал заслуживает всяческой поддержки. **К—ко.**

БАЛТИМОРА, Мэрилэнд. — Уважаемые товарищи, извините, что с большим опозданием посылаю 10 дол. на издание журнала "ДТП." Но, как говорится, "лучше поздно, чем никогда." Журнал получаю регулярно каждый номер, за что сердечно благодарю вас. **П. Е. К—вич.**

КАНЗАС СИТИ, Канзас. — Уважаемые товарищи, посылаю в фонд издания журнала "Дело Труда-Пробуждение" 10 дол. и желаю, чтобы журнал выходил чаще. **Г—лик.**

ВИННИПЕГ, Канада. — Дорогие друзья, уведомляю вас, что журнал получил, за который очень благодарю вас. Посылаю 5 дол., в которые включается мой взнос и сумма за проданные номера журнала. **О. Д—люк.**

БАЛТИМОРА, Мд. — Уважаемые товарищи, посылаю вам 12 д., которые распределяются следующим порядком: 6 дол. за проданные номера журнала, 5 д. от т. Ф. Л—та и 1 д. от В—ва в издательский фонд. Мое мнение таково, что журнал вполне соответствует анархическому учению и тактике. **С—ко.**

НЬЮ ЭДЖИПТ, Н. Дж. — Уважаемые друзья, посылаю в издательский фонд журнала "ДТП" 5 д. и желаю вам успеха в вашей гуманной деятельности. **П—чук.**

ЮНГСТАУН, Охайо. — Уважаемые товарищи, посылаю 5 д. на издание журнала "ДТП." **М—нич.**

НЬЮ ХЭЙВЕН, Конн. — Уважаемые друзья, жертвую на издание журнала "ДТП" 5 дол. **И. К—ский.**

СОЛТ ЛЕЙК СИТИ, Юта. — Уважаемый редактор "ДТП," посылаю 1 д. на возобновление подписки. 42-й номер я получил. **А. Б—ков.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Дорогие работники "ДТП"! Долго не видя вашего сотрудника, а значит и журнала, я забеспокоился: не приключилось ли чего худого? Но я искренно обрадовался, когда увидел его, наконец, с журналом в руках. Показался он мне близким, родным человеком. Естественно, журнал я тут же взял и распросил о причине опоздания с выходом в свет. Из объяснений я узнал все ту же новость — средств нехватает на более частое издание. Оно и понятно: не будет же помо-

гать журналу буржуй, ведь против него и выступает журнал, разоблачая его стяжательскую природу. Журнал всецело зависит от пожертвований рабочих, а средств у них в обрез. Вот и опоздание. Высылаю в фонд "ДТП" 5 д. и желаю вам доброго здравия в вашей полезной работе. **С. Дмитрук.**

КВЕБЕК, Канада. — Дорогие друзья, посылаю в фонд журнала "ДТП" 5 д. и желаю вам успеха в борьбе с окружающим злом. **И. Иванов.**

ДЕТРОЙТ, Мич. — Уважаемая Редколлегия! Журнал ваш читаю и чту, ибо есть за что чтить. Мне нравится ваша искренность и дерзание. Шлю 1 д. в фонд журнала "ДТП" и еще вышлю. Хочу высказать и мое мнение. Автор статьи "Кремль на зыбкой почве," мне кажется, не совсем прав в этом своем утверждении. Разумеется, его устами мед бы пить, но, к глубокому сожалению, зыбкости Кремля не наблюдается: стоит он себе крепохенек и хихикает в кулак над мятущимся миром. Что дальше будет, увидим, но пока Кремль стоит на твердой почве. **Иванс.**

С-ФЕЛИСЬЕН, Канада. — Дорогие друзья! Посылаю вам 20 дол. и прошу выслать мне указанные в прилагаемом списке книги. Спасибо за № 42 "ДТП." **И. Ивлев.**

ДЕТРОЙТ, Мич. — Уважаемые "делотрудовцы"! Слишком свята ваша идея анархизма, но человек слишком эгоист, чтобы воспринять эту идею. Нужно какое-то потрясение, чтобы он переиначился и воспринял ее. Помогают журналу личности, в коих еще не угасло человеколюбие. Себя я не считаю "чем-то" или "кем-то": грешен я, как и другие. Но глядя на некоторых из вас, работающих бескорыстно долгие годы, дабы поддержать мерцающий огонек правды — "ДТП," я не могу оставаться равнодушным. Поэтому прошу принять моих 5 д. в фонд журнала и самые лучшие пожелания. **И. Сивко.**

ДЕТРОЙТ, Мич. — Дорогие тт. "делотрудовцы," высылаю 2 д. в фонд нашего журнала "ДТП," поздравляю вас с наступающим Новым Годом и от всего сердца желаю вам доброго здоровья и успеха в вашем трудном, но благородном деле издания честного свободного органа печати — защитника обездоленных и борца против зла и за лучшее будущее человечества. Я — вдова, тяжело болела, имела операцию, но нельзя забывать и своего журнала.
С тов. приветом **Соня Зубрина.**

НЬЮ БРОНЗВИК, Н. Дж. — Уваж. редакционная коллегия, извиняюсь, что не прислал во-время подписной платы на журнал. Сейчас посылаю подписку и 3 д. "штрафу" и столько же на 1954 г., всего 10 долларов. **Ф. Черновец.**

ДЕТРОЙТ, Мич.—Дорогие "делотрудовцы"! Поздравляем Вас с наступающим Новым Годом и желаем вам всем —активным работникам — доброго здравия, а при хорошем здоровьи счастье само собой разумеется. Мы тронуты вашей жертвенностью и шлем лепту (5 д.) в фонд журнала "ДТП."
С тов. приветом **Г. и Ф. Морозовы.**

Товарищи, издание журнала "ДТП" зависит всецело от вас, поэтому мы обращаемся к вам с настоятельной просьбой распространять журнал и оказывать ему денежную и моральную поддержку.

ПРИЗЫВ ДЕТРОЙТЦЕВ

Уважаемые товарищи, посылаем вам 84 д., из коих за журнал 19 д. и в фонд "ДТП" 65 д.: М. Волынский — 20 д., К. Крутель — 15 д., Д. Савчук — 10 д., И. Черный — 10 д., И. И. Д. — 5 д. и В. Торба — 5 д.

Мы верим, что успех нашего движения в значительной степени зависит от объединения всех прогрессивных сил вокруг журнала "ДТП." Это объединение вокруг журнала особенно важно теперь, так как в России большевики разгромили все анархические организации, группы и клубы, задушили анархическую печать, заточили в тюрьмы или сослали в концлагери и политизоляторы всех наших товарищей. Поэтому необходимо широкое распространение (устно и печатно) наших анархических идей и создание принципиально устойчивых групп, клубов и союзов, которые были бы верными вдохновителями и борцами за свободное общество.

Следовательно, наша задача в данный момент двоякая: собирательно-организационная и воспитательно-просветительная. Мы обращаемся к нашим старым товарищам, работавшим в наших рядах, но в последние годы по тем или иным причинам выбывшим, воспрянуть духом сызнова, возвратиться в наши ряды и работать совместно с нами. Одновременно мы выражаем нашу глубокую благодарность всем тем, которые поддерживают нас морально и материально.

С тов. приветом *Профсоюз г. Детройта.*

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ "ДТП"
С 1-го СЕНТЯБРЯ ПО 1-го ДЕКАБРЯ 1953 Г.

ПРИХОД

Поступило в фонд журнала "ДТП"	$279.25
Поступило за проданные номера "ДТП"	32.00
Поступило за проданные номера "ДТП"	15.00
За проданные книги	49.00
Остаток на 1-го сентября	8.09
Итого	$383.34

РАСХОД

Издание и экспедиция № 42 "ДТП"	$336.58
Уплочено за помещение под книжный магазин за 3 месяца	30.00
Почтовый ящик за 3 месяца	6.00
Итого	$372.58
Остаток на 1-го декабря	$ 10.76

Искренняя благодарность всем жертвователям, подписчикам и распространителям журнала за их труд и поддержку свободоного слова.

Ред. Коллегия.